

Охотники на Троллей

Гильермо
дель Торо

Дэниэл Краус

От
режиссера
фильмов
«Багровый пик»
и «Лабиринт
фавна»

Гильермо дель Торо
Охотники на троллей

«АСТ»

2015

УДК 821.111-312.9(72)
ББК 84(7Мек)-44

дель Торо Г.

Охотники на троллей / Г. дель Торо — «АСТ», 2015

ISBN 978-5-17-094151-3

Раз, два, три, четыре, пять... я иду тебя искать... В нашем городе пропадают дети. Взрослые, конечно же, не верят, что виноваты тролли. Взрослые никогда не верят в сказки... Но что, если эти сказки сами придут в нашу жизнь? Сможем ли мы тогда спастись?.. Гильермо дель Торо – известный режиссер, снявший такие фильмы как «Лабиринт фавна» (2006), «Тихоокеанский рубеж» (2013) и «Багровый пик» (2015). Вместе с режиссером и лауреатом нескольких литературных премий Дэниэлом Краусом Гильермо дель Торо написал удивительную фэнтези-страшилку, которая придётся по душе всем поклонникам «Лабиринта фавна» и остальных фильмов дель Торо.

УДК 821.111-312.9(72)

ББК 84(7Мек)-44

ISBN 978-5-17-094151-3

© дель Торо Г., 2015

© АСТ, 2015

Содержание

Пролог	6
Часть 1	10
Часть 2	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Гильермо дель Торо, Дэниэл Краус Охотники на троллей

Печатается с разрешения Stygian, LLC c/o Martha I. Contreras, deBlois, Mejia & Kaplan LLC in association with Creative Works Group LLC и литературных агентств C. Fletcher & Co, LLC и Andrew Nurnberg.

© Stygian LLC, 2015

© Н. Рокачевская, перевод на русский язык, 2016

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2016

***

*Посвящается моим детям и времени надежд и мечтаний.
Пусть оно продлится чуть дольше.*

Гильермо дель Торо

*Посвящается Крейгу Уэллету
Дэниэл Крауз*

*Меня зовут троллем,
Что луну пожирает,
Гигантом, что дышит, как буря,
Проклятием, хлещущим с неба,
И спутником вечным сивилл,
В ночи грохочущим магом,
Глотающим звезды с небес.
Неужто я кто-то другой?*

Браги Боддасон старый, поэт IX века

Пролог

Эпидемия молочных пакетов

Ты просто еда. Мышцы, что ты напрягаешь, чтобы ходить, подниматься и говорить? Это куски мяса, приправленные тягучими жилами. Кожа, которой ты уделяешь столько внимания перед зеркалами? Деликатес для знатоков, сочная корочка запеканки. Кости, дающие тебе силы пробивать путь в жизни? Они хрустят на зубах, когда костный мозг высосан и ухнул вниз по склизкой глотке. Все это неприятно слышать, зато полезно. Но, видишь ли, есть создания, что не дрожат в углу, ожидая, пока мы схватим их и поджарим на костре. Эти создания сами ловят свои жертвы, разводят собственные костры и обладают собственным аппетитом.

Джек Старджес и его младший брат Джим ничего этого не знали, когда мчались на великах по руслу канала в родном городе Сан-Бернардино в штате Калифорния. Это случилось 21 сентября 1969 года, в чудесный день давно исчезнувшей эпохи: закатные лучи солнца озаряли пики горы Слафнисс к востоку от города, и мальчики слышали доносящееся с улиц жужжание газонокосилок, ощущали запах хлорки из бассейнов и дымка от жарящихся гамбургеров из чьего-то гриля.

Высокие стенки канала позволяли оставаться невидимыми и служили превосходным укрытием для соревнования по стрельбе. В этот день, как обычно, сражались Могучий Виктор (Джек) и Доктор Икс (Джим), они свернули в сторону груды булыжников, чтобы пострелять из пластиковых лазерных пистолетов. Могучий Виктор, как всегда, выигрывал, на сей раз совершенно определенно, и все из-за нового велика: вишневого велосипеда марки «Спорткрест», такого новехонького, что с него еще свисали подарочные ленточки после дня рождения. В тот день Джеку исполнилось тринадцать, но он катил на подаренном велике, словно рассекал на нем всю жизнь – вверх по убийственно крутым берегам, через заросли сорняков, иногда без помощи рук, чтобы сделать точный выстрел.

– Тебе в жизни меня не догнать! – крикнул Могучий Виктор.

– А вот и догоню! – выдохнул Доктор Икс. – Я просто... подожди... Эй, Джек, погоди!

Джим, или Джимбо, как звал его брат, поправил сползающие с потного носа очки с толстыми стеклами, сломанные и обмотанные пластырем. Ему исполнилось восемь, а выглядел он еще младше. Его потрепанный желтый «Швинн» был не только меньше «Спорткреста», но и велик для Джима, так что мальчик едва доставал до педалей. Отец уверял Джима, что он дорастет до них, но тот все никак не мог дождаться, когда же это произойдет. А пока ему приходилось стоять на педалях, чтобы заставить их крутиться, и потому хорошо стрелять было трудно. Доктор Икс был обречен.

«Спорткрест» прорвался сквозь кучу мусора. Джим последовал за ним секундой спустя, заставив колеса завизжать, но увидев помятый пакет из-под молока, обогнул его. На картонке было отпечатано лицо улыбающейся девочки и слова «ПРОПАЛ РЕБЕНОК». У Джима пробежали мурашки по коже. Так принято сообщать о пропавших детях, а теперь их стало множество.

Первый пропал год назад. В Сан-Бернардино собрали поисковые отряды и команды спасателей. Потом пропал еще один ребенок. И еще один. Некоторое время горожане пытались разыскивать каждого. Но вскоре дети стали пропадать через день, и взрослые ничего не могли с этим поделать. Для Джима страшнее всего было видеть покорность судьбе на лицах лишившихся сна родителей. Они сдались перед злом, забиравшим детей, и, разливая семье молоко, пытались не обращать внимание на отпечатанные на пакете лица и внушающие ужас слова:

«ВЫ МЕНЯ ВИДЕЛИ?»

Как слышал Джим, к этому времени насчитывалось уже сто девяносто пропавших детей. Это число показалось бы фантастическим, если бы не свидетельства, которые он видел повсюду: высокий забор вокруг школы, все больше родителей, охраняющих игровые площадки, полиция, запрещающая детям появляться на улицах после наступления темноты. То, что Джима и Джека отпустили кататься на великах незадолго до заката, было весьма необычно, но в день рождения Джека родители не могли ему отказать.

Джек не стал терять времени, пытаясь как-то украсить велосипед. Он взял транзисторный радиоприемник и прикрепил его проволокой к сверкающему красному рулю. Потом включил радио на полную громкость, и весь вечер их сопровождали самые веселые хиты дня: «Сладкая моя», «Горячее летнее веселье» и «Гордячка Мэри». Трудно представить эти песни в качестве идеального сопровождения к залпам из лазерных пистолетов Могучего Виктора и Доктора Икс, но тем не менее это так. Пока Джиму удавалось не думать о молочных пакетах, этот вечер мог бы стать лучшим в его жизни.

Радио на руле велосипеда Джека заиграло новую песню, «Как тебя зовут?» в исполнении дуэта «Дона и Хуана». Песню о любви, Джим ее не очень-то любил, но по какой-то причине томные напевы отвечали настроению угасающего дня. Солнце быстро садилось, на следующий день снова в школу, и эти полкилометра езды могли оказаться последним проблеском лета, пока учеба не погасит его, как свечу.

Джим прищурился на солнце. Он заметил Джека, крутящего педали так быстро, что с его пути разлетались птицы, да так и не приземлялись по пути на юг. Джек заулюлюкал, и под «Спорткрестом» затанцевали сухие листья. Всего через несколько секунд Джек промчится под Голландским мостом, монолитом из бетона и стали. Наверху по нему ехали несколько машин, но внизу лежали такие глубокие и черные тени, что даже глазам больно смотреть.

Нужно догнать брата. Джим хотел, чтобы они добрались до дома на равных – как Джек и Джим Старджесы, а не как постоянный победитель и проигравший, Могучий Виктор и Доктор Икс. Джим встал на педали и приналег изо всех сил. Изношенные колеса возмутились: скрип, скрип, скрип! Но он продолжал крутить педали. Как же ему хотелось, чтобы ноги стали длиннее и сильнее!

Когда он снова поднял глаза, Джек пропал.

Джим увидел лежащий под мостом «Спорт-крест», его силуэт очерчивало низкое солнце – руль погнут, а переднее колесо еще вращается. Мост быстро приближался, Джим крутанул педали назад, «Швинн» занесло, и велосипед остановился в нескольких метрах от тени под мостом. Джим оседлал центральную перекладину и, тяжело дыша, вглядывался в поисках брата в самые темные углы.

– Джек?

Переднее колесо «Спорткреста» по-прежнему вращалось, словно призрак брата еще налегал на педали.

– Ну же, Джек. Не дури. Ты же не хочешь меня напугать.

Ответили ему лишь «Дона и Хуан». Эхо превратило сладкий напев в мрачное завывание:

Я стою на углу, дожидаясь тебя,
Мое сердце дово-о-о-ольно...

С приглушенным треском неподалеку зажглись фонари, один за другим заполнив канал желтоватым свечением.

Это значило, что наступил вечер – не время валять дурака.

– Если мы сейчас же не вернемся домой, папа запрет нас на несколько недель, Джек!

Джим сглотнул, слез с велосипеда, сжал в потной ладошке лазерный пистолет и бочком обошел велосипед, пока не оказался во мраке под мостом. Здесь было градусов на десять холоднее, и он поёжился. Теперь раскрученные колеса вращались медленнее, но по-прежнему жалобно постанывали:

СКРИП. СКРИП. СКРИП.

Он подошел к «Спорткресту». Переднее колесо стало замедлять темп. И вдруг ему почудилось, будто это колесо – сердце Джека, и если оно остановится, брат навсегда исчезнет.

Джим всмотрелся в бездонную тьму. Не обращая внимание на капли влаги, топот чьих-то ножек, наверняка крысиных, гул автомобильных колес над головой и убийственные завывания «Дона и Хуана», он сорвался на крик:

– Джек! Выходи! Ты не поранился? Джек, я серьезно!

Он в ужасе сжался, когда эхо вернуло слова обратно. Желтый свет фонарей, фиолетовое небо, липкий холод, издевательское эхо его собственной паники – неужели превращение мечты в кошмар происходит так быстро? Он поворачивался, вглядываясь то в одну тень, то в другую, все быстрее и быстрее, грудь сдавили рыдания, щеки покраснелись от страха, и тут он понял, что в одном направлении еще не смотрел.

Джим медленно вытянул шею, чтобы посмотреть вверх, на изнанку моста.

Она была черна. Сплошная чернота. Но потом чернота шевельнулась.

Это произошло естественно, почти с изяществом. Огромные и могучие конечности отделились от бетона, словно хотели ухватиться за него поудобнее. Нечто размером с огромный валун – голова – повернулось, и Джим различил горящие оранжевым огнем глаза. Существо сделало вдох, и по чреву моста будто пробежала рябь. Потом выдохнуло, и Джима смела струя смрадного ветра.

Существо отцепилось от моста и прыгнуло на землю. Во все стороны брызнула грязь, а мусор взлетел высоко в воздух, и в этом водовороте Джим заметил молочные пакеты – два, три, четыре, пять пакетов, они скакали и кружились, улыбки пропавших детей насмеялись над собственной смертью. Существо встало на задние лапы, как гризли, и свет уличных фонарей сверкнул на двух рогах, царапающих бетон у него над головой. Пасть открылась, обнажив огромные кривые зубы. Оранжевые глаза впились в Джима. А потом к нему потянулись руки – длинные мускулистые удавы, покрытые косматой шерстью.

Джим закричал. В тоннеле под мостом крик прозвучал в десять раз громче, существо на секунду застыло. Джим воспользовался этой секундой, вскочил на «Швинн» и оттолкнулся от земли. Левая нога задела радиоприемник Джека, заставив «Дона и Хуана» раз и навсегда замолчать, а потом он промчался под Голландским мостом, не прекращая кричать, ноги бешено крутили педали.

За спиной он слышал топот громадины, преследующей его на четырех конечностях, как горилла.

Замычав от ужаса, Джим нажимал на педали сильнее, чем когда-либо в жизни. Скрип колес превратился в вопль. А существо всё приближалось. Земля содрогалась при каждом шаге чудовищных лап. Существо по-бычьей фыркало и выдыхало зловоние, как из канализации. Пластиковый лазерный пистолет выпал из ладони Джима; никогда больше мальчик не ощутит ловкость и силу Доктора Икс. Существо за спиной рычало так близко, что рама велосипеда вибрировала. Фонари отбрасывали жуткие тени от пытающейся дотянуться до Джима руки зверюги с длинными и острыми когтями.

Джим свернул влево, выскочил из канала, продравшись сквозь сорняки, и ринулся в переулок. Прямо перед ним оказался пожарный гидрант, красный, как подарочный велосипед Джека, – ох, Джек-Джек, что же с ним произошло? Джим обогнул гидрант и рванул на середину улицы. Машины на пути сигналили и виляли. Джим не обращал внимание на сер-

дитые окрики. Он мчался в точности как брат, наконец-то научившись правильно ездить на велосипеде, а шины рвались на кусочки и скакали по улице бесполезными клочками резины.

Дом вон там, осталось всего несколько секунд, и Джим из последних сил устремился к нему, в груди свистело, когда мальчик пытался вздохнуть, слезы струились по щекам горизонтально. Велосипед налетел на бордюр, подпрыгнул и врезался в белый заборчик. Джим кувырнулся и шлепнулся на лужайку перед домом, исцарапав лицо в маминых подстриженных кустах, очки снова сломались.

Внутри залаяла собака. Джим услышал шаги, распахнулась дверь, мама и папа шумно заспешили вниз по ступеням. Джим осознал, что еще кричит, и это напомнило ему о зверюге. Он схватил обе половинки очков и приложил их к глазам. Пусто.

Он осмотрел палисадник, тихие дома пригорода, почтовые ящики, цветочные клумбы, разбрызгиватели. Никаких чудовищ, но у своих ног он заметил кое-что еще.

Бронзовый медальон на ржавой цепочке. На нем выгравирован зловещий геральдический символ: омерзительное огрызающееся лицо, неразборчивые буквы варварского языка и великолепный меч под ними. Рыдания застряли у Джима в груди, и он потянулся за медальоном.

– Джим! Что случилось?

Мама упала рядом на колени, смахивая комки грязи с его ушей. Тут же подоспел и папа, опустившийся на колени перед Джимом, он потряс мальчика за коленку, чтобы привлечь его внимание. Оба снова и снова повторяли его имя: Джим. Ужасно, что никто больше не назовет его Джимбо.

– Посмотри на меня, дружок, – сказал папа. – Не ушибся? Все хорошо? Дружок?

– Где твой брат? – хрипло прошептала мама, будто что-то знала. – Джим, где Джек?

Джим не ответил – вместо этого он отклонился в сторону, чтобы заглянуть папе за спину. На траве остался след, но медальон исчез, если только он там был. Джима охватило странное чувство печали из-за пропажи медальона и еще более сильное ощущение собственного провала. Он с рыданиями рухнул на руки родителей, понимая, что познал истинную природу страха, боли и потери.

Джим Старджес – мой отец. Джек Старджес – дядя. Историю, которую я только что рассказал, я узнал лишь сорок пять лет спустя, когда мне исполнилось пятнадцать. Именно тогда я узнал, что дядя Джек стал последним ребенком, исчезнувшим во время Эпидемии молочных пакетов, которая закончилась так же быстро, как и началась. Сломанный «Спорткрест» стал семейной реликвией, я видел его сотни раз. Как раз тогда, в пятнадцать, я узнал, чем отец занимался в последующие десятилетия, всю свою юность и большую часть взрослой жизни, – приходя по ночам к Голландскому мосту с фонариком в руке в поисках следов, которые могли бы привести к старшему брату. Но их не нашлось, лишь его храброе улыбающееся лицо на молочных пакетах с надписью «ПРОПАЛ».

Превосходный способ описать отца через столько лет.

Часть 1 В канализации

1

Современные источники утверждают, что историческая и решающая Битва Палой листвы состоялась в последние две минуты четвертого тайма на мемориальном поле Гарри Дж. Бликера в школе Сан-Бернардино, где играли обожаемые «Боевые монстры» из Сан-Бернардино, вырвавшиеся вперед всего на шесть очков, когда нашего великолепного нападающего удалили с поля. Именно тогда, во время важнейшей игры года, и там, на росистой траве, пал храбрый герой и возник неожиданный победитель. Рассказы о том дне питают сны детей всех возрастов – как человеческих, так и прочих. Так что вчитайся в эти страницы. Продвигайся вперед и верь каждому слову. В конце концов, однажды тебе захочется поведать эту историю собственным детям.

Произошло много удивительного. Просто подожди немного, сам узнаешь.

Меня зовут Джеймс Старджес младший, но можешь называть меня Джимом, как звали моего папу, когда я был в твоём возрасте. Когда начались мои приключения, мне исполнилось пятнадцать.

Была пятница, октябрьское утро, и будильник прозвенел, как обычно, в ужасную рань. Я позволил ему звенеть, потому что научился спать под этот звук. К сожалению, мой папа, Джим Старджес старший, спал гораздо более чутко. Достаточно было порыва ветра перед домом, чтобы его разбудить, и тогда он заходил и ко мне и будил. Думаю, это из-за того, что случилось с его братом Джеком. Такие события кого угодно лишат спокойствия.

Он вошел и выключил будильник. Последовавшая за этим тишина была еще хуже, потому что я знал – он стоит и смотрит на меня. Он всегда так делал. Словно едва мог поверить, что я пережил еще одну ночь. Я с трудом продрал глаза. Папа надел слишком тесную белую рубашку с грязноватым воротничком и пытался застегнуть левую манжету. Он проделывал это каждое утро, пока не спускался вниз, чтобы попросить меня о помощи.

Он выглядел старым. Он и был старым. Старше, чем большинство отцов, которых я встречал, из уголков его глаз расходились морщины, брови кустистые, в ушах волосы, при этом голова почти лысая. Такие сутулые плечи я тоже не видел у других отцов, хотя и сомневался, что это связано с возрастом. Думаю, его придавило нечто другое.

– Проснись и пой.

Сам он особенно радостным не выглядел. Как и всегда.

Я сел и смотрел, как он направляется к стальным ставням у окна. Он вытащил из кармана очки, вечно сломанные и замотанные пластырем, и скосил глаза на панель с кодом. Набрав семь цифр, поднял стальные жалюзи, собравшиеся гармошкой, и впустил в комнату солнечный день.

– Не стоило беспокоиться, – хмыкнул я. – Я все равно собирался их закрыть, когда мы уйдем.

– Солнечный свет важен для роста.

Прозвучало так, будто сам он не особенно в это верит.

– Я не расту. – Что касается роста, то я пошел в отца и все еще дожидался, когда же наконец-то рвану в росте, о чем толковали все вокруг. – Мне даже кажется, что я усыхаю.

Прежде чем направиться к двери, он повозился с пуговицей левой манжеты.

– Давай, вперед и с песней, – сказал он. – Завтрак тоже важен.

Прозвучало так, будто и в это он не особенно верит.

Приняв душ и одевшись, я обнаружил папу именно там, где и ожидал – в гостиной, у алтаря дяди Джека, устроенного над электрокаминном. Я называл это место алтарем, потому что не мог придумать более подходящего слова. Каждый сантиметр полки наполняли реликвии в память о дяде Джеке. Школьные фотографии, конечно же: Джек в детском саду прямо светится от радости в рубашке одинокого рейнджера, Джек во втором классе с удовольствием показывает отсутствующие молочные зубы, Джек в пятом классе с фингалом под глазом и чертовски гордым видом, Джек в восьмом классе – последняя фотография – загорелый и крепкий, словно готовится покорить мир.

Другие предметы на алтаре выглядели более удивительно. Звонок от «Спорткреста» Джека с крапинками ржавчины. Радиоприемник, сыгравший последнюю песню в 1969 году, – странная штукавина с погнутой антенной. Были там и другие предметы, имеющие значение только для папы: сломанные наручные часы, деревянная фигурка индейца, кусочек железного колчедана. Но самый будоражащий предмет находился в центре алтаря: вставленный в рамку портрет Джека на молочном пакете, черно-белая копия его фото в восьмом классе.

Папа заметил мое отражение в стекле и выдал из себя улыбку.

– Привет, сынок.

– Привет, пап.

– Просто... прибирался.

В его руках не было ни чистящего средства, ни тряпки.

– Конечно, пап.

– Есть хочешь?

– Ну да, конечно. Давай.

– Хорошо, – вымученная улыбка дрогнула. – Давай завтракать.

Завтракать – значит есть хлопья с молоком. Было время, когда мы по утрам готовили, до того как маме осточертел папин пунктик насчет безопасности и она ушла. Папа старается изо всех сил, говорил я себе. Мы хрустели и чавкали, сидя за столом друг против друга, уставившись в тарелки. Периодически мы бросали взгляды вокруг, чтобы убедиться, что стальные ставни крепко заперты. Я вздохнул и плеснул себе еще молока. Из бутылки. Папа никогда не покупал молоко в пакетах.

Он снова и снова поглядывал на часы, пока я с чувством вины выбрасывал остатки хлопьев в мусорное ведро. Когда он зашагал к входной двери, я побежал к себе, натянул куртку и рюкзак и набрал код на ставнях, чтобы их запереть. Лишь когда я оказался рядом с папой, он отпер входную дверь.

Этот ритуал я знал наизусть. Десять замков на двери, один сложнее другого. Отодвигая задвижки, поворачивая ключи и снимая цепочки, я шептал все то же соло на ударных, которое слышал пятнадцать лет: клик, бац, дзинь, бамс, тук-тук, брямс, вжик, бух, клац-клац, бум.

– Джимми, Джимми!

Я прищурился и посмотрел на папу. Он стоял в дверном проеме, такой беззащитный в плохо сидящей рубашке, прижав руки к животу, потому что язва дала о себе знать как по расписанию. Я хотел его пожалеть, но он махнул мне нетерпеливо:

– Сойди с порога, а не то сработают датчики давления. Давай же.

Вместо извинения я передернул плечами и прошел мимо него на лужайку. Услышал попискивание включенной сигнализации, а за ним компьютерный женский голос: «Зона дома в безопасности». Папа вздохнул, будто сомневался в этих словах, и запер дополнительные замки, перед тем как соскочить со снабженного датчиками крыльца. Он приземлился рядом со мной, клочки волос над ушами увлажнились от пота.

Бедняга тяжело дышал, он находился не в той форме, чтобы бороться с личными демонами, разросшимися в его воображении до размера дракона. Его грудь ходила ходуном, и это привлекло мое внимание к торчащему из нагрудного кармана калькулятору с логотипом «Сан-Бернардино электроникс». Легенда гласила, что папа изобрел карман-калькулятор «Эскалибур», который носили ученые-ботаны по всему миру, хотя папа это отрицал. Я же считал, что начальство надуло папу, присвоив изобретение себе. Такое всегда случается с людьми вроде Джима Старджеса старшего. Я почувствовал себя полным дерьмом.

Он проводил меня по лужайке. Камера безопасности у входной двери крутилась, следуя за нашим передвижением. Папа наступил мне на ногу, и я заметил, что его носки, как всегда, покрыты зелеными пятнами. Чтобы компенсировать отсутствие повышения и премий на работе, по выходным папа косил лужайки – в городских парках, на кладбищах, даже футбольное поле школы Сан-Бернардино – и всегда как чудик натягивал защитные очки и перчатки. Уж поверьте, это принесло мне в школе избыток популярности. Он подтолкнул меня пахнувшей травой рукой.

– Опоздаешь на автобус, Джимми. А если ты опоздаешь на автобус, мне придется сделать крюк и отвезти тебя в школу, и я опоздаю на работу.

– Почему я не могу просто пройтись?

– Ты же знаешь, как сложно было сделать такое расписание, чтобы мы выходили в одно время. Босс устроит мне головомойку, Джимми, еще какую.

– Не стоило так напрягаться. На автобусе ездит только малышня.

Он бросил на меня суровый взгляд.

– Бдительность никогда не бывает излишней. Вспомни про моего брата Джека. Он был таким независимым. Таким храбрым. Все твердил: «Джимбо, мне всё нипочем». Но это оказалось не так, несмотря на то, что он был...

Я закончил фразу вместе с ним:

– Самым храбрым мальчиком, какого ты видел в жизни.

Папа повернулся в сторону фургона компании «Сан-Бернардино электроникс», в которой он работал (он же «самый безопасный вид транспорта в Сан-Бернардино»), в фургоне папа также возил газонокосилки. Он вздохнул. Я заметил, что из-под пиджака торчит незастегнутая манжета рубашки. Раз он не позволяет мне расти как обычному подростку и даже пройтись до школы самостоятельно не разрешает, то пусть отправляется на работу в таком виде, заслужил.

– Да, таким он и был, – сказал папа после небольшой паузы.

И побрел к фургону и стал его отпирать. Я ковырял землю ногой. Он прав, приближается автобус. Я слышал, как он едет по Кленовой улице, и если я хочу на него успеть, то придется пробежаться. Но пуговица на манжете заставила меня остановиться. Я представил, как молодые коллеги смеются над растрепанным и вечно встревоженным человеком в заматанных пластырем очках, который носит карман-калькулятор «Эскалибур» словно медаль за доблесть. Хватит и одной жертвы в семье.

Я подошел к фургону, выдернул рукав папиной рубашки и быстрыми движениями застегнул его. И слегка улыбнулся. Папа прищурился на меня сквозь грязные линзы.

– Автобус, Джимми...

Я вздохнул.

– Уже бегу, пап.

2

У школы выстроились в ряд тыквы. Перед тем как автобус резко остановился, так что меня чуть не вывернуло, я насчитал сорок одну. Коробки с завтраками и учебники посыпа-

лись на грязный пол, ребята встали на четвереньки, чтобы подхватить сбежавшие термосы и карандаши. Я откинулся на сиденье и уставился на вывеску перед школой Сан-Бернардино.

102 ЕЖЕГОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ
ПАЛОЙ ЛИСТВЫ
ВСЮ НЕДЕЛЮ
ПОКАЖИ, НА ЧТО СПОСОБЕН!
ВПЕРЕД, «БОЕВЫЕ МОНСТРЫ»!

В Сан-Бернардино невозможно вырасти, чтобы фестиваль Палой листвы тем или иным образом не запечатлелся в памяти. Может, ты нарядишься принцессой или роботом на детский праздник. Или вызовешься помогать родителям вытирать залитые сиропом столы во время Пира Оладий. Фестиваль берет начало в довольно забавной истории о том, как кого-то изгнали, но я вечно забываю, кто кого изгнал и почему.

Но это не важно, потому что со временем фестиваль превратился для горожан в способ продать друг другу всякую ерунду. Целую неделю повсюду стояли лотки с поделками местных мастеров, явно переоцененными, стойки с никому не нужной одеждой по сниженным ценам, устраивались бесплатные концерты на эстраде в парке, а продавцы машин, рестораны и страховщики делали особые предложения. Заканчивалось все именно здесь, в школе Сан-Бернардино, большим футбольным матчем, а после него – шекспировской пьесой в сокращенной постановке, прямо на том же поле. И спорт, и культура в одном месте, даже не нужно откладывать хот-дог с сыром и острым чили.

В этом году стадион наверняка будет заполнен до отказа, и не только потому, что наша команда непобедима. К западу от школы находилось мемориальное поле Гарри Дж. Бликера, типичное поле с воротами и прожекторами, с многочисленными закутками, где ребята могли тайком распивать пиво и тискать девчонок. В следующую пятницу, однако, на стадионе впервые включают до нелепого огромный экран, который уже много недель стоял в упаковке, пока рабочие завершали монтаж. Этим утром они уже были наверху, на высоких лесах, поправляя каски.

Дурацкий фестиваль, на который мне было совершенно плевать, начинался в субботу, на следующий день, а это означало, что сейчас – последние драгоценные часы, когда все как безумные разукрашивают город в его официальные цвета – красный и белый. Для ребят вроде меня – плохих спортсменов или актеров, да и вообще, если честно, ничем не выдающихся – это было худшее время года.

Я спрыгнул из автобуса последним, но не успел дойти до тротуара, как со стороны главного входа на меня налетел один знакомый парень из тех, кто за обедом сидит за худшим столом. Он вцепился в меня, чтобы затормозить. Мы качнулись, словно в танце. Он ткнул пальцем в сторону школы.

– Таб... – выдохнул он. – В Пещере трофеев.

Больше ему ничего не нужно было прибавлять. Если в школе имелся уголок, пригодный для самых гнусных стычек, то это Пещера трофеев – коридор на третьем этаже, где хранилась школьная коллекция призов. Когда-то здесь располагались классы по французскому и немецкому, но эти факультативы отменили. Лампы дневного света перегорели или их прикрыли тряпками, и коридор превратился в мрачный тоннель зла, который стоило избегать всеми силами, даже ценой опоздания в класс, даже если пришлось бы еще целый урок терпеть полный мочевого пузыря. Время от времени оттуда доносились всхлипы какого-нибудь младшеклассника, получающего свою первую (или четырнадцатую) взбучку.

Некоторым ребятам не повезло – их шкафчики располагались в этой камере пыток. Тобиас (Табби) Д., мой лучший друг, был одним из таких проклятых.

Еще не добежав до Пещеры трофеев, я уже опознал обидчика. По коридору раскатывалось ритмичное ХЛОП, ХЛОП – фирменный звук Стива Йоргенсена-Уорнера. Куда бы ни пошел Стив, он постоянно стучал по баскетбольному мячу. В класс, в столовую, в туалет, на парковку. Некоторые учителя, главным образом по физкультуре, даже позволяли ему стучать по мячу в классе, чтобы Стив мог сосредоточиться на учебе, пока его одноклассники молча стискивают зубы в раздражении.

Стив явно не был одним из многих. Ведь он был капитаном баскетбольной команды. И лучшим нападающим в команде по футболу. Но это еще не всё. Он обладал на удивление странной привлекательностью – глаза слишком маленькие, а нос вздернутый, как у хрюшки, жутко косматый и с похожими на клыки зубами. Но все же каким-то образом эта комбинация оказывала завораживающее воздействие. Его неестественно мускулистое тело и странная манера говорить – решительно и вежливо, словно у иностранца, выучившегося английскому в школе, – завершали необычный облик. Трудно найти второго такого человека, как Стив Йоргенсен-Уорнер. Но учителя не знали, что и более жестокого человека тоже не сыскать.

Уже собралась толпа. Я подпрыгнул на цыпочках и увидел стоящего на коленях Таба, его веснушчатое лицо покраснело, он глотал ртом воздух, а шею сжимала рука. Левая. Правой рукой Стив продолжал стучать по мячу, одновременно болтая с товарищами по команде. Я протиснулся через толпу. С нижней губы Таба свисала струйка слюны, он вцепился зубами в бицепс Стива.

– Воздуха, – прохрипел Таб. – Мне... нужен... воздух... не могу... дышать...

Стив извинился перед приятелями за то, что вынужден прервать милую беседу, и обратил внимание на толстяка, извивавшегося в его хватке. В каждой сверкающей медали, чемпионском кубке и обрамленной в рамку фотографии подростков в одинаковых спортивных костюмах как в кривом зеркале отражалось лицо Таба, и каждый из подростков на фотографии выглядел счастливее и крепче моего хрипящего лучшего друга.

ХЛОП, ХЛОП, ХЛОП, ХЛОП.

Клыкастая ухмылка Стива никогда не меняла его взгляд.

– Ты знаешь правила, Табби. Пять баксов в день. Сожалею, если плохо объяснил.

– Ты... объяснил... предельно... ясно...

– Пять баксов – это со скидкой. Лучшего предложения тебе не найти.

– Вчера... я дал... тебе... все... что было...

– Тогда почему бы тебе не извиниться?

– Горло... сдавил... Говорить... трудно...

– «Прости» – это такое короткое слово. Почему бы просто его не сказать?

– Прости...

– Звучит почти искренне, Табби. Извинения принимаются. Просто отыщи пять баксов к концу дня, и мы забудем о дальнейших спорах. До следующего раза, разумеется.

Я бы отдал все, чтобы оказаться тем парнем, кто мог бы прорваться сквозь толпу и оттолкнуть Стива от моего друга. Но эти фантазии прикончили бы нас обоих. По правде говоря, я стал пробираться в противоположном направлении, но остальные напирали, так что я споткнулся. К своему ужасу, я растянулся на спине, рухнув прямо в пыточный круг.

Стив сощурился на меня глазами-пуговками. Он выпустил Таба, и тот шлепнулся на пол в лужицу собственной слюны. Стив повернулся. Стук мяча замедлился до ритма китового сердца, который мы слушали на уроке биологии. Время тоже замедлилось. Я ощущал себя спортсменом, на веки вечные запертым в витрину с призами.

– Ага, Старджес, – произнес Стив. – Ты тоже хочешь поучаствовать? Отличная новость.

За многие годы я получил свою долю издевательств со стороны Стива Йоргенсена-Уорнера, начались они в третьем классе с легендарного выкручивания рук под названием «Индийский огонь», дошло и до вывихнутого запястья, после того как я «споткнулся» на

ступеньках у заднего входа в школу. Все избиения происходили не потому, что я в чем-то провинился. Даже застывший в позе эмбриона Таб выглядел напуганным.

– Ух ты, – сказал я с пола. – Мне пора в класс. Всем пора в классы. Разве нет? То есть разве сейчас не начало урока? Да?

Моя бессмысленная болтовня разнеслась по Пещере трофеев.

ХЛОП, ХЛОП! Мяч зазвучал с воодушевлением. Он предсказывал настроение хозяина почище собачьего хвоста. По лицу Стива расплылась сияющая улыбка, он приблизился ко мне вместе с мячом, проводя его за спиной и между ног. Парень был в своей стихии. Окажись здесь баскетбольное кольцо, он бы забросил мяч туда.

3

Но все же нам удалось легко отделаться. Мы оба прошли через остроумную процедуру под названием «Уплотнение мусора», когда засовывают в шкафчик, слишком маленький для того, чтобы вместить подростка, и несколько раз стучают дверью, пока ты все же каким-то образом туда не влезешь. Это причиняет больше боли, чем кажется. Крючки для одежды впиваются в голову, острые углы оставляют синяки на плечах, а если тебе хватает глупости сопротивляться хлопающей двери, то можно и палец сломать. Я видел такое.

К счастью, меня уплотняли достаточно часто, и я научился открывать шкафчики изнутри. Я расслабился, пока стук мяча не затих, и освободился. Таб хныкал в соседнем шкафчике, и нельзя сказать, что я его осуждал. Он был крупным, и в соответствии с законами физики его не так-то просто было оттуда извлечь. Сначала я велел ему слегка стукнуть по замку. Потом чуть подождал, потому что сквозь отверстия в шкафчике несся сплошной поток ругательств. Прозвенел звонок. Я вздохнул. Теперь мы еще и опоздаем.

Десять минут спустя мы приходили в себя в мужском туалете. Ни один из нас не собирался опаздывать на урок, да еще и войти с окровавленными губами и локтями. Поэтому мы тщательно промыли раны холодной водой и залепили их кусочками колючих полотенец из коричневой бумаги.

– Эти полотенца годятся только для скота, – сказал Таб. Он нырнул в кабинку и вернулся со скомканной в кулаке туалетной бумагой. Таб приложил бумагу к ободранному локтю. – Ну вот, теперь я получил должный уход. Это что, санаторий? Мы в санатории? Где делают пилинг с солью? А эротический массаж горячими камнями? Дживс, каков наш распорядок?

Я выдавил улыбку и тут же поморщился. На скуле виднелся синяк. Я перебрал способы скрыть его от папы. Солнечные очки не по размеру? Лихо повязанный шарф? Замысловатый грим? Когда моей безопасности что-то угрожает, папа ведет себя нерационально.

Таб наклонился к зеркалу и нахмурился. Хотел бы я сказать, как он красив внутренне, потому что в таком случае при виде внутренностей Таба хирурги попадали бы в обморок. Человек сообразительный назвал бы Тобиаса Дершовица пухленьким, а дипломатичный – здоровяком. На самом же деле он был жирным, и с этого его проблемы только начинались. Его волосы походили на густую рыжую отбившуюся от рук живую изгородь. Лицо усеивали веснушки, которые придавали ему сходство с переросшим грудничком. А в довершение всего – брекететы – чудеса современных пыток: каждый зуб пересекала стальная проволока с десятком серебристых креплений. Когда Таб говорил, скобки щелкали так, что казалось, полетят искры. Но, по крайней мере, он был высоким, чего не скажешь обо мне. Он стоял перед зеркалом, прямой как столб, словно поправлял военную форму, а потом оглядел туалет, чтобы убедиться, что мы одни.

– Вот, гляди, – он сунул руку под рубашку и достал из-под мышки самую потную в мире пятидолларовую купюру. Он протянул ее так, будто я собирался ее приласкать. – У меня была с собой пятерка! Этот осел просто не знал, где искать!

– Ты держался молодцом, Таб.

– Я знаю, ясно?

Он хихикнул, свернул купюру и снова засунул ее под мышку.

Натягивая рубашку обратно на живот, он вдруг перестал ухмыляться. Таб был мастером кунг-фу, когда речь шла о том, как прикрыть нанесенные обиды шуткой. Но бывали мгновения, когда запал кончался и Таб признавал, хотя бы на секунду, горькую правду. А правда заключалась в том, что засунутая под мышку липкая пятерка для него была близка к победе.

Я нажал на кнопку автоматической сушилки для рук, чтобы заглушить свой вопрос.

– Ты плакал?

– Неа. Не в этот раз. – Он помолчал и пожал плечами. – Совсем немножко.

Молчание затянулось надолго. Старина Таб знал, как это исправить. Он отхаркнулся и плюнул в писсуар. Потом похлопал меня по спине и направился к двери. Я на секунду замешкался, наблюдая, как растворяется в чьей-то моче кровавый комок соплей. Как многое это говорит о нашей жизни, подумал я. Последовав за Табом наружу, я заставил себя не оглядываться. Но мог бы поклясться, что из канализации, откуда-то из-под кафельного пола, донеслось рычание.

4

Математика меня доконает. Я всегда это знал. По всем остальным предметам я учился не хуже одноклассников, но знаки умножения и деления пронзали мой мозг как штыки. К тому же в ту пятницу миссис Пинктон была в дурном настроении. Староста класса прочитала объявление и не могла скрыть свою радость в предвкушении фестиваля Палой листвы, Шекспира на поле, игры против команды «Жеребята Коннерсвиля» и торжественного открытия долгожданного большого экрана. Все это вывело Пинктон из себя.

– Спортивное табло, – проворчала она. – А как насчет лабораторных горелок взамен старых и опасных? Новых калькуляторов для вычислений? Wi-Fi, чтобы действительно работал? Кто-нибудь из вас видел свиных зародышей, которых препарируют на уроках анатомии? Половина деформировалась, а другая половина выглядит как перемороженное мясо.

Конечно, она права. Приоритеты школы лучше всего выражали звуки двумя этажами ниже: ХЛОП, ХЛОП, ХЛОП. Точка зрения миссис Пинктон могла бы расположить к ней неудачников вроде меня, если бы она не вымещала свое раздражение на учениках. Я мог надеяться лишь на то, что кровопускание будет медленным и мне кое-как удастся закончить семестр. Миссис Пинктон целую неделю напоминала, что для этого на контрольной в следующую пятницу я должен набрать 88 %.

Публичное унижение было важной частью психоза миссис Пинктон. Не теряя времени, она вызвала к доске несколько жертв, на которых набросился батальон камикадзе в виде квадратных уравнений. Я спрятался за учебником, воображая, что мой явный страх полностью утонул в заклинаниях текста. Тридцать пять минут это работало, но я не мог устоять, чтобы не высунуться из-за кромки книги. В конце концов, у доски стояла Клэр Фонтейн, и этого я не мог пропустить.

Все, что делает Клэр, достойно воспроизведения в замедленном темпе, и математика не исключение. Мел взмывал вверх и порхал вниз. Ее свитер с катышками растягивался то в одну сторону, то в другую. Она закинула длинные черные волосы за ухо, и на них осталось прелестное пятно белой пыли.

Мне она казалась прекрасной, хотя в классическом понимании такой не была. Популярные девочки сказали бы, что она недостаточно костлява. Они также отметили бы, что она не пользуется косметикой и не пытается укротить волосы. А ее одежда – ну что сказать про ее одежду? Она не носила сексуальные сапоги до колен, а вместо них надевала ботинки до лодыжки на резиновой подошве, подходящие для походов. Ее одежда не имела определенного стиля и казалась найденной в военных запасниках: набор курток цвета гороха, песочного цвета юбок и брюк с многочисленными карманами – все это выглядело так, словно побывало в настоящих сражениях Второй мировой. А берет, который она носила до и после школы, был не вариацией «поглядите-на-меня-я-француженка», а в стиле «я-вторгнусь-в-твою-страну-и-стану-новым-диктатором».

Только один предмет нарушал целостность образа – ярко-розовый девчачий рюкзак, на котором необъяснимым образом не было ни единой вызывающей заплатки, ни единой отметины от фломастера. Большинство считали, что безупречный рюкзак даже делал ее еще более странной. А для меня это просто значило, что ей плевать. Хороший рюкзак – это просто хороший рюкзак.

Но все это не означало, что она не женственна. Уж поверьте, совсем наоборот. Просто в ней было и кое-что еще. Хотя она училась в нашей школе всего один семестр, всем было очевидно, что в ее жизни многое происходит. Школьные заправилы считали это нарушением правил, но она, похоже, не знала о правилах, может, потому что была не из Калифорнии. Она приехала с другого конца океана. Ах да, забыл об этом сказать. Клэр Фонтейн приехала из Британии. Именно так – и говорила она с акцентом. Думаю, теперь вы получили о ней представление.

Могу еще сказать, что европейцы явно превосходят нас в математике. Это единственное объяснение тому, как Клэр щелкала уравнения. Мел в ее кулаке превращался в пыль. Когда она закончила – а она никогда не ошибалась, то вбила в конце уравнения точку, будто завершила предложение.

– Пунктуация необязательна, – заявила Пинкстон. – Но хорошая работа, Клэр.

Пинкстон выдохнула, словно только что пригвоздила противника. Вытерев доску, она написала новую строку тарабарщины и окинула взглядом класс в поисках следующей жертвы.

– Осталось время для еще одного. Есть добровольцы? Это так по-американски.

Я наклонил голову, чтобы казаться еще более погруженным в учебник, взгляд Пинкстон скользнул мимо, и я ощутил прилив гордости своим поведением. А потом катастрофа. Клэр вышагивала обратно к своей парте, отряхивая перед собой испачканные мелом руки, и выглядела при этом будто выходящая из дыма рок-звезда – и вдруг посмотрела в мою сторону. Я, конечно, бросил на нее влюбленный взгляд. Ее губы изогнулись в кривоватую улыбку.

– Привет, Старджес, – сказала она.

Этот акцент всегда превращал какую-нибудь часть моего тела в предателя. На сей раз изменницей оказалась мисс Правая Рука. Она махнула с излишним пылом, словно Клэр находилась за километр, а сеньор Глупый Язык еще и прибавил:

– И тебе привет, Клэр!

– Это ты, Джим? – спросила Пинкстон. – Милая замена. Давай-ка посмотрим, сможешь ли ты распутать этот узел.

Моя улыбка увяла, я взглянул на уравнение. Выглядело оно так, будто кого-то стошнило на доску одновременно алфавитом и цифрами. Я скривился, ссадина на щеке заболела. Я подумывал, не показать ли свои раны, объяснив, что не смогу дойти до доски без стонов и величайших страданий. Но вместо этого бросил на Пинкстон умоляющий взгляд.

Она «показала мне мел», как мы этого называли: протянула его, зажав кулаке, как поднятый средний палец.

Я взял себя в руки, встал, взял мел и потопал к доске, пока не уперся в нее носом. Не имея никакого представления о том, что буду делать, я поднял руку и тут понял, что Пинкстон написала уравнение на том уровне, куда еще могла бы дотянуться Клэр, которая была сантиметров на десять-двенадцать выше меня. Я же не мог не то что решить уравнение, но даже дотянуться до него. Я выдержал раздавшийся за спиной смех, и зрение расфокусировалось, так что оставленные тряпкой разводы превратились в туман. Лондонский туман, где девочки в беретах вроде Клэр Фонтейн разгуливают во всей красе и решают опасные уравнения в промежутках между страстными поцелуями со смелыми мужчинами низкого роста.

5

Как можно было убедиться множество раз, ничто не вселяет такой страх в сердца неуклюжих ребят, как свисающий с потолка спортзала канат. Таб дошел до того, что в прошлом году подал официальную жалобу и назначил встречу с директором Коулом и все такое прочее. Это же просто варварство, настаивал Таб. И к тому же большая ответственность – а если кто-нибудь упадет с шестиметровой высоты и останется на всю жизнь калекой? Бейсбол – это еще ладно. Волейбол – тоже ничего. Наверное, с этими видами спорта можно столкнуться в дальнейшей жизни. Но каким образом, черт возьми, взрослый может встретиться с канатом, на который необходимо залезть? По словам Таба, директор Коул уже был у него в руках, пока Таб не сказанул про черта. Коул не терпел ругательств. Таба выставили за дверь, а канат остался.

Мы с Табом оказались единственными, кто еще не преодолел положенную половину каната. Пока остальные уже играли в баскетбол, я неуклюже карабкался, цепляясь руками и ногами, и пытался сообразить, каким образом Стиву Йоргенсену-Уорнеру удастся одновременно и независимо действовать всеми четырьмя конечностями. Я напрягся и подтянулся еще на полметра. Ладони горели, ноги дрожали. Я мог думать только о том, как уберечь чувствительные места при падении.

– Вот так, Старджес! – прокричал тренер Лоуренс. – Импульс – это ключ к успеху!

Я услышал хмыканье и посмотрел, что происходит на канате справа. В противоположность моим непредсказуемым шатаниям Таб продвигался ровно, хотя и в черепашьем темпе. Из каждой его поры выступил пот, от напряжения он обнажил металлические зубы. Все его тело дрожало, словно вот-вот взорвется.

– Так держать, Таб! – от радости тренер Лоуренс не назвал его по фамилии. – Покажи этому канату! Не сдавайся! Мужчины не сдаются!

– Господи, прошу, забери меня прямо сейчас, – заскулил Таб. – Или сатана, мне все равно.

– Еще один метр, – буркнул я. – Дело мастера ответ.

– И что это значит, черт возьми?

– Без понятия.

– Тогда хватит этой подбадривающей болтовни.

– Ладно, – прохрипел я. – Вот бы у этой веревки была петля.

– Да уж, было бы здорово. Быстрая смерть без боли.

Внизу кто-то причитал:

– Таб! Таб! Таб!

Я глянул вниз и увидел перекошенное лицо тренера Лоуренса. В довесок к уменьшительной форме имени это выглядело странно. Я снова сосредоточился на веревке. Середину отмечал красный платок, всего в тридцати сантиметрах над головой. Мне нужно всего лишь

дотронуться до него, потом я могу похромать к скамейке и оплакать там то, что осталось от мышц. Я глотнул воздуха и дотянулся до платка потной рукой. Нити каната жгли ладонь как раскаленная стальная проволока.

– Старджес! – прокричал тренер Лоуренс. – Давай на золото!

У меня и так от усилий голова шла кругом, чтобы подумать о подобном. И тут Таб завизжал. Я посмотрел на него – он мотал головой, словно пытался избавиться от пчелы. Рассмотреть было трудно, поскольку оба каната раскачивались, но я заметил проблему – пеньковая нить из каната зацепилась за брекеты Таба. В его широко открытых в панике глазах я прочитал то, что он сейчас воображает: как падает и челюсть целиком вылетает изо рта.

Веревка Таба начала крутиться. Я протянул руку, пытаясь остановить друга, но лишь почувствовал, как его пальцы на мгновение яростно вцепились в мои, а потом он рухнул вниз под тяжестью своего веса. Разумеется, нить каната тут же оборвалась, и Таб приземлился на задницу, прямо на глазах у всех.

Рука, которой я пытался помочь Табу, так и не вернулась к моему канату. Я закрутился, ноги соскользнули, и я повис на одной руке. В отличие от Таба я попытался удержаться, но вместо этого съехал вниз, канат обдирал ладонь, пока я не грохнулся обеими коленками об пол. Было так больно, что аж скулы свело.

Тренер Лоуренс протянул нам обоим руки. Таб выглядел жалким, побитым и смирившимся со своим жиром. Напевное повторение его имени, что мы на секунду сочли искренним, превратилось в гиканье и завывание. Одинокий баскетбольный мяч вторил ритмичным ХЛОП, ХЛОП. Таб поднялся на ноги, потирая ушибленные ягодицы, и именно в этот миг над толпой учеников пролетел баскетбольный мяч и отскочил от щеки Таба. Трудно отрицать, что это был чертовски точный удар.

6

Во второй раз за эту пятницу нам с Табом пришлось промывать ссадины. Но в этот раз мы мало что могли сделать, чтобы поднять настроение. Мы оба задержались в душе, где кровь стекала в канализацию. Теперь мы остались последними в раздевалке. Я почти оделся, но Таб неподвижно сидел в дальнем конце скамейки, еще в полотенце, отвернувшись от меня, с него капала вода.

Прозвучало так, как сказал бы учитель, но мне не пришло в голову ничего лучше:

– Не обращай на них внимание, Таб.

– Да ну! Спасибо за этот великолепный и совершенно бесполезный совет, мистер Советчик.

– Они нам не друзья. Какая разница, что они подумают?

– Тогда кто наши друзья, Джим? Давай, можешь перечислить?

Уверен, что не промедлил с ответом ни секунды:

– Не дури. У нас есть друзья.

– Я говорю не о друзьях в чатах или кошках и собаках. Я говорю о настоящих друзьях, о людях, которые делают все, что положено людям, например разговаривают, тусуются и едят вилок и ложкой. Разве не здорово, Джим? Иметь друзей, которые знают, как обращаться с вилок и ножом? Для нас это был бы большой шаг вперед.

Глаза Таба сверкнули над голыми плечами.

– Пытаясь меня приободрить, ты только делаешь хуже, – сказал он. – Нам стоит принять себя такими, как есть. И прежде чем ты спросишь, я отвечу. Мы никто. У нас нет жизни. Нам нечего ждать в будущем. Никакие мы не особенные. Мне просто хочется, чтобы все это закончилось. Все. Этот дурацкий страх. Это же не значит, что мы будем бояться всю жизнь?

– Слушай, помнишь, как я боялся монстров в шкафу? – спросил я.

– Очень глупо. Все знают, что монстры живут под кроватью.

– Ну да, а я-то был уверен, что они в шкафу. И когда я уже не мог больше постоянно бояться, как папа, однажды ночью вылез из постели, открыл шкаф и просидел там всю ночь. Под конец я заснул, и все закончилось. То есть все это когда-нибудь закончится, вот я о чем, Таб.

Он не ответил. Я закончил завязывать ботинки. Слишком туго. Все помещение выглядело слишком тесным, сжимало плечи как шкафчик, где я сидел пару часов назад.

– Но мы есть друг у друга, – объявил я.

– Чистая правда, – ответил он. – Где нам провести свадебную церемонию, как думаешь?

Хотя и наполненное сарказмом, сказано это предложение было с ноткой извинения. Я вздохнул с облегчением и посмотрел на часы. Скоро будет звонок. Для меня день оказался длинным, а для Таба – еще длиннее.

– Спорим, кто-нибудь подарит нам симпатичный сервиз, – сказал я. – И хлебопечку.

– Чудесно. Когда настанет зомби-апокалипсис, эта хлебопечка спасет наши задницы, – он прерывисто вздохнул и откашлялся. – Дай мне минутку, иначе я никогда не закончу одеваться. Ты и понятия не имеешь, как мне тяжело натягивать носки.

Таб ненавидел одеваться в присутствии кого-либо. Ему хотелось смириться со своим весом, но сейчас не время ускорять эту процедуру. Я переместился в другой проход между шкафчиками.

В дальнем углу находился кабинет тренера. Свет не горел. Вообще-то обычно тренер Лоуренс включал свет перед уходом. Раздевалку поглотила тьма, словно ее накрыли брезентом. Проходы выглядели слишком длинными, прорезанными неожиданными трещинами. Я колебался, стоит ли двигаться дальше. Раздевалки всегда вызывали у меня плохие воспоминания: удары полотенцами, смытое в унитаз нижнее белье, подожженные над мусорным ведром кеды. Неудивительно, что тени здесь казались зловещими.

Я напомнил себе про несуществующего монстра из шкафа и продолжил идти. Сделал три шага и тут увидел его.

Существо скорчилось в дальнем углу. Я глубоко вздохнул и наклонился к нему, но оно не освободило путь. Оно было какое-то бесформенное и выше меня, но не шевелилось и не издавало ни звука. Я слышал где-то вдалеке вздохи одевающегося Таба, они вселили в меня уверенность. Я не мог позволить этому существу выгнать моего голого друга в коридор. Еще одно унижение – это уже слишком.

Выключатель находился всего в полутора метрах, точно между нами, и я бочком устремился в этом направлении, кроссовки захлюпали по какой-то мерзкой жидкости, как всегда бывает в раздевалке. Дотянувшись до выключателя, я почувствовал, будто достал до спасительного красного платка на канате. Я помедлил, опасаясь увидеть правду, скрытую за многочисленными складками кожи и зловонием.

Я щелкнул выключателем. Моргнула единственная слабая лампочка. В углу лежала груда сырых полотенец. От нее воняло, но она уж точно не собиралась прыгнуть и наброситься на меня. Мое лицо вспыхнуло, я уже собирался пнуть кипу полотенец, но понял, что с моей-то удачливостью она рухнет прямо на меня, и весь день я буду благоухать как сотня подмышек.

Из душа донесся какой-то лязг.

Я взглянул туда, ожидая, что и это ложная тревога, но заметил, что решетка над сливом сдвинута. Стекающие в канализацию потоки воды разбрызгались, словно их потревожила чья-то нога. К воде примешивались и наши с Табом капли крови. Я сделал шаг назад, чтобы разглядеть получше, и боковым зрением заметил в противоположном конце раздевалки темный силуэт.

Это Стив – кто же, кроме него, – пришел, чтобы забрать у Таба положенную пятерку. Но теперь я не позволю этому случиться. Я бросился к следующему ряду шкафчиков и увидел подошву вроде бы ноги, хотя и слишком большой для Стива. И тут раздался звук – гортанный и фыркающий рык, настолько громкий, что, похоже, вырвался из груди гиганта.

Я пустился наутек, кроссовки шлепали по мелким лужам. Вдали от горящей лампочки оказалось еще сложнее опознать, что передвигается по проходам в противоположном конце помещения. Я видел, что это гигант со сгорбленными плечами и толстыми волочащимися руками. Но разве я только что не принял горку полотенец за смертоносного монстра? Я побежал в следующий проход и прибыл туда с храбрым и ужасающим «Ага!».

Таб прикрыл руками голый торс. Он еще возился с проклятыми носками.

– Что? Боже! Да брось ты! Оставь меня одного, Джим, прошу!

Где-то за спиной раздалась тяжелые шаги, так что даже кафельный пол завибрировал. Я развернулся, перескочил через три ступеньки и услышал из душа какой-то лязг. Я выглянул из-за угла. Решетка снова была над сливом. Может, мне почудилось? Может, она все время оставалась на месте? Я схватился за покрытую грибок стену и попытался восстановить дыхание. Мне показалось, что решетка еще немного подрагивает, совсем чуть-чуть.

7

Редкие пятницы оказывались длиннее. Но чего я не ожидал, так это того, что все только начинается.

Мы с Табом вышли из школы. Вполне предсказуемо несколькими тыквами из ряда перед школой уже сыграли в футбол, и мы вляпались в их вывалившиеся внутренности. Таб сострил, но от вида подсохшей оранжевой мякоти меня замутило. Я был еще под впечатлением от случившегося в раздевалке. Разумеется, Табу я ничего не сказал. Либо я схожу с ума, либо спортсмены из нашей школы принимают слишком много стероидов. Ни то ни другое не поднимет моему другу настроение.

Не успел я шагнуть на тротуар, как с нами заговорила группа девчонок. Это выглядело весьма подозрительно, и мы стали оглядываться в поисках ведра со свиной кровью, которая вот-вот выльется на наши головы. Но вместо этого нам в лицо сунули пачку флаеров кричащей расцветки. Три девчонки были придурочными театралками, выряженными с четко продуманной небрежностью. Но четвертая носила армейские цвета. Это была Клэр Фонтейн.

– Завтра у нас репетиция, – она откусила кончик лакричного леденца и утопила его глотком колы. – Вам это интересно, джентльмены?

Джентльмены – это звучало так музыкально, что мне захотелось надеть смокинг с гвоздикой в петлице. Я поглядел на ярко-розовый флаер, который держала Клэр. Неудивительно, что они играли «Ромео и Джульетту». Руководитель театральной студии, миссис Лич, усвоила урок относительно Шекспира на спортивном поле. Согласно традициям, это должна быть короткая получасовая пьеса с репетициями не дольше недели, и чтобы все упростить, она остановилась на списке из четырех укороченных пьес: «Гамлет», «Сон в летнюю ночь», «Макбет» и «Ромео и Джульетта». Последнюю играли столько раз, что она даже получила прозвище «РоДжу».

– Пончики бесплатно? – Таб изучил красивую картинку. – Написано, что пончики бесплатно. Как такое возможно во время кризиса?

Клэр негромко засмеялась. Ее щеки покраснелись, а осенний ветерок выбил локон из-под берета. Она подтянула безукоризненный розовый рюкзак и выудила еще один лакричный леденец. Клэр обожала есть всякую дрянь, может, именно поэтому она и не выглядела доходягой, как самые популярные девочки. Лично мне наплевать, какие насыщенные жиры и рафинированные сахара повинны в ее великолепной фигуре.

Смех ее звучал как случайно нажатые клавиши рояля.

– Вот видишь! – показал на нее Таб, наградив меня триумфальным взглядом.

– Это ловушка!

– Я смеюсь над этим словом, мистер Дершовиц, – сказала Клэр. – Там, откуда я родом, их называют пышками. Не понимаю, что это за пончики такие.

– О, – ответил Таб, – в таком случае давай подумаем. Завтра я должен идти на прием к стоматологу. Поставят новые брекеты. Ты, наверное, заметила, что я ношу брекеты. Надеюсь, новые будут еще краше старых. Но я мог бы перенести прием. Я всегда готов для пышек. А пончики застревают в зубах. Думаю, это не такая уж необходимая информация. Не знаю, чего это я еще болтаю, честно говоря. Но такой уж я. Болтун.

Клэр изогнула губы в той же улыбке, какой одарила меня на математике, будто у нас есть общая тайна. Она начала говорить что-то о том, как на репетициях вечно не хватает мальчиков, и что в театральном клубе нужна «новая кровь», как сказал бы ее «папочка». Я кивал, но почти не слушал. Столько всего отвлекло меня от встречи с Клэр Фонтейн. Вообще-то я мог думать только об одном.

ХЛОП, ХЛОП!

Я выдернул из рук Клэр флаер и включил на полную мощность глупую улыбку.

– Я приду, – сказал я.

Таб пожал плечами и взял канареечного цвета флаер из рук придурочной театралки.

– Приду за пышками, – вздохнул он. – Надеюсь, зубы у меня еще будут.

– Вот и отлично! – Клэр на мгновение качнулась на носках туристических ботинок. – В полдень, прямо здесь, в школе. Выучите пару сонетов и поработайте над своим провинциальным акцентом!

– Как в воду глядела! – сказал Таб.

По лестнице спускались другие ни о чем не подозревающие мальчики, и девчонки ринулись к ним с магией «РоДжу».

– И о чем она сейчас говорила? Я не понял, – заметил Таб.

Я взял его за плечо и подтолкнул к тротуару. Таб заныл, но я держал крепко, сосредоточившись на цели – выбраться с парковки. Путь преграждали кучки ребят, но я их обходил. Теперь звук раздавался четче и быстрее, хотя я не мог определить откуда.

ХЛОП, ХЛОП!

Слова Таба прозвучали резко, будто хрустнула сломанная веточка:

– Вот дерьмо! Дерьмовое-предерьмовое дерьмо.

Таб показал: Стив Йоргенсен-Уорнер шел по парковке, терпеливо отбивая мячом по мостовой. Машины разворачивались, с грохотом набирали скорость и исчезали, словно в кино про плохого водителя, но Стиву каким-то образом удавалось не останавливаться. Он заметил нас и безмятежно и пугающе улыбнулся.

– Скажи, что у тебя еще есть та пятерка, – прошептал я.

Таб покачал головой.

– Автомат с чипсами. Шесть с лишним.

Я печально посмотрел на него.

– Человеческому организму необходима пища, Джим! – хныкнул он.

Я поискал более безопасный маршрут. Перед школьным двором скучала вереница школьных автобусов. Обычно я ходил домой пешком, в чем никогда не признавался папе, но я легко смог бы провести в автобус и Таба. Водитель славился своей катарактой. Проблема заключалась только в том, что на пути находился Стив со своим роковым мячом.

Я лег на живот и закатился под припаркованный фургон.

– Джим? Это не урок труда! Не время менять масло!

– Пригнись!

Ему понадобилось больше времени, чтобы согнуться, но стук мяча сотворил чудо. Над нашими головами клацали промасленные детали машины, мир сузился до прямоугольника киноэкрана: серый тротуар, полоска травы, хрустящие по разбитому стеклу шины и сотни бестелесных ног, спешащие во всех направлениях.

ХЛОП, ХЛОП! Звук приближался с задней стороны фургона.

– Шевелись! – прошипел я. – К следующей машине, к следующей!

Коленки и локти ныли после предыдущих несчастий этого дня, но я прополз на них мимо передних колес грузовика к ослепительному свету дня, но всего на пару секунд, а потом под раму грязного четырехдверного седана. Таб полз за мной по пятам, хватая воздух ртом и потая. Бамперы, пружины и выхлопные трубы уже изорвали его рубашку и стянули штаны до неприличного уровня.

Мяч Стива стучал по обочине справа от нас. Мы видели его новенькие дизайнерские кроссовки, отвороты сшитых у портного брюк. Он остановился, словно определял наше местоположение. Я посмотрел налево, на заполненную машинами главную улицу. Опасный и переменчивый лабиринт, но тут одна машина остановилась, чтобы пропустить другую.

– Сейчас! – прошептал я. – Давай, Таб!

Я метнулся влево, перекатился на солнечный свет и залез под остановившуюся машину. Таб еле дыша последовал за мной. Ветер задувал нам в лицо выхлопные газы, мы закашлялись, отмахиваясь от них. Вот. Подобраться чуть ближе, и автобусы на расстоянии короткой пробежки. Машина над головой просигналила, мы оба подскочили и стукнулись головами о переднюю ось. Мы услышали, как коробку передач переключили на первую скорость.

Мы прижались друг к другу, чуть ли не обнялись, и одним прыжком выскочили из-под машины. Очистив своими телами задние номера, увернулись от надвигающегося кабинета, споткнулись о «лежачего полицейского» и вприпрыжку ринулись в соседний ряд, прямо между двумя припаркованными машинами. Стив, наверное, уставился на нас в недоумении, потому что стук мяча стал быстрее – жуткий звук, словно кулак врезается в тело.

Я быстро пролез под машиной справа, а Таб – слева. Пальцы застряли в прорезях канализационного люка. Автобусы уже близко. У нас получится. Я отметил кроссовки Стива. Он был достаточно далеко, и я решил показать Табу жестом, что мы выкрутились. Но Таб смотрел на меня в ужасе.

Я застрял, шептал он одними губами. Я застрял!

Машина надо мной просела, когда в нее кто-то залез. Тело онемело, я не мог дышать. Машину завели, через несколько секунд она уедет и я останусь на виду. Мяч стучал по мостовой, я видел и его, и кроссовки Стива, они приближались к нам с беспечным ритмом. Он уже в полутора метрах, в метре, в полуметре. Я прижал к губам ладонь, чтобы не заорать.

По бетону скрипнул металл, и я ощутил, что люк под моим локтем подскакивает. Я взглянул на него, не ожидая увидеть ничего, кроме вибрации от автомобильного двигателя. Но люк оказался приоткрыт и вел во мрак канализационной трубы. Я на мгновение зажмурился, сбитый с толку.

А потом из глубин показалась мощная узловатая лапа.

Будь мой ужас не таким всепоглощающим, я бы закричал. Лапа была размером с мой торс, серую кожу ладони пересекали шрамы неизвестных битв. Ее тыльную сторону покрывала черная шерсть, отвердевшая от коричневых нечистот. Рука покачалась как радар, пока не оказалась прямо передо мной, а потом метнулась ко мне, так что хрустнули пальцы. Я сжался в клубок, и лапа царапнула поверхность. Забуренные желтые когти размером с мое предплечье измололи бетон парковки в пыль с той же легкостью, с какой миссис Пинкстон крошила мел.

Где-то вдалеке я услышал, как тронулся с обочины первый автобус, а за ним и остальные.

Я попытался увернуться подальше от люка, но зацепился за заднюю ось. Лапа высунулась дальше и продолжала двигаться, мышцы напряглись, шерсть пересекали белые шрамы, похожие на омерзительные пиктограммы. Я взглянул на Таба в призыве о помощи, но он прижал кулаки к глазам, и я смутно понял, что баскетбольный мяч находится прямо между нашими машинами, не прекращая свой терпеливый одурманивающий ритм. У меня имелась проблема посерьезнее: ползущая ко мне пауком огромная лапа. Я свернулся между задними колесами.

В этот лишенный удач день нас спасла единственная удача. Водительская дверь машины надо мной резко отворилась и ударила по мячу, и я смотрел, как оранжевый шар неуклюже отскакивает от ближайшего бампера и катится через дорогу.

– Ох, извини, я тебя не заметил, – сказал водитель. – Я его поймаю. Прости. Поймаю. Повисла мучительная пауза.

– Ничего страшного, – сказал Стив. – Я его догоню.

Но я представил его ледяную улыбку.

Щеголеватые кроссовки развернулись и погнались за мечом, а я выкатился из-под машины и пополз от нее на четвереньках, пока не присел под задним бампером грузовика на расстоянии целой вселенной, хрипло дыша, каждый сантиметр тела покалывало от свежего воздуха. Ни о чем не подозревающий спаситель уехал. После чего я услышал натужный шепот Таба, вылезавшего из своей тюрьмы под автомобилем.

Он подошел ко мне, шаркая усталыми ногами. Лицо покрыто пятнами масла, а джинсы разорваны, но он все равно смеялся.

– Умеешь ты устраивать вечеринку, Джим Старджес младший, этого у тебя не отнять.

– Сейчас... мы... в безопасности?

Таб огляделся, но не выглядел обеспокоенным.

– Лоуренс задержит его на тренировку. Нам еще предстоят битвы, солдат.

– Нет... я про... ту... штуковину...

Таб нахмурился.

– Штуковину? Хм... Ты не мог бы поконкретнее?

Я вцепился в бампер и поднялся на подгибающихся ногах. Похлопал по фургону, ища утешение в слое пыли. Это было взаправду, а не ночным кошмаром. Я растер пыль пальцами и понюхал ее.

– Если попробуешь лизнуть, то мы больше не друзья, – заявил Таб.

С крайней осторожностью я обогнул пустое место для парковки, где недавно оказался в ловушке. Мне не хотелось подходить слишком близко, и я прошмыгнул к выезду для машин. Меня встретили многочисленные гудки и цветистые ругательства, но я пропустил их мимо ушей. Царапины на поверхности, совсем недавно оставленные зловещными когтями, ничем не отличались от обычных появляющихся со временем отметин.

– Вот, – показал я. – Взгляни.

Таб склонился над металлическим кругом.

– Вот тут?

Таб встал на колени и приблизил глаза как можно ближе к поверхности – насколько позволял живот. Я внутренне напрягся и приготовился к худшему.

– Вижу, – сказал он.

Кровь отхлынула у меня с лица.

– Видишь?

– Точно вижу. Хочешь, чтобы я это достал?

– Что? Нет! Лучше отойди!

Он показывал на розовое пятнышко на крышке люка.

– Выглядит как жвачка. Скажу тебе по секрету: у меня в кармане жвачка, которую я еще не пробовал, я-то всегда предпочитаю ту, которую еще никто не жевал. Но я не собираюсь вставать на пути твоих желаний.

8

Я ни слова не сказал Табу про увиденное. Меня гораздо меньше беспокоило то, что я не могу предъявить ему доказательств, главное – я не мог предъявить доказательств себе. Никаких отметин от когтей на коже, ни клочков шерсти, зацепившихся за молнию на куртке. Долгое время меня беспокоило душевное состояние отца. Из-за этого ушла мама, из-за этого мы жили в рукотворной тюрьме. А что? если в моем генетическом коде запечатлелось то же безумие? Тогда и Таб может от меня отвернуться.

Я посмотрел на футбольное поле, где рабочие завершали свои труды с экраном. К востоку от него купались в персиковом свете вершины горы Слафнисс. На западе тонули в тени другого рода горы: нагромождение битых машин на мусорной свалке Кevi, легендарное местечко для ночных подростков-хулиганов. Я взглянул на темнеющее небо, чтобы прикинуть, который час. С точки зрения папы возвращение домой после наступления темноты было худшим из возможных преступлений.

– Эй, Покахонтас, – Таб чавкал жвачкой, которую предлагал мне несколько минут назад. – Если опоздаешь на несколько минут, твой старик не помрет.

– Ты по-прежнему не въезжаешь.

– Думаю, что ему стоит немного удлинить поводок.

– Он просто волнуется. Об очень многом.

– Поздравляю, ты только что стал победителем соревнования по недомолвкам! Если честно, я вообще не понимаю, как такой взвинченный человек может спать по ночам.

По правде говоря, он действительно не спал по ночам. Таб это знал и скорчил рожу от своей же реплики. Я уже собрался сказать, чтобы он не беспокоился об этом, когда Таб вздернул голову и похлопал меня по плечу.

– Время на исходе? – брекеты сверкнули в озорной ухмылке.

Ближайшим зданием к школе был музей сан-бернардинского исторического общества – особняк с колоннами, который местные жители по большей части обходили вниманием, но, если слухи не врал, почитаемый страстными любителями редкостей со всей Калифорнии, чьи глубокие карманы позволяли музею ежегодно делать новые приобретения. Обширный сад вокруг музея имел гораздо большую популярность. В редкие выходные там нельзя было повстречать позирующую фотографу девушку в белом платье, пока остальные гости свадьбы слонялись вокруг и позевывали. Сад ограждал забор длиной в полтора километра, ненавидимый всеми школьниками, желающими сократить путь в северном направлении.

Хотя мы с Табом знали другую дорогу.

– Не знаю, Таб. Что-то в последние дни нам не везет.

Но он уже шел обратно к музею, усиленно двигая бровями и ослепляя меня металлическими зубами. Даже в нынешнем настроении я не мог не засмеяться. Таб знал, что я последую за ним, и со всей скоростью помчался к главному входу. Я подтянул рюкзак и припустил за ним. Наши кроссовки застучали по обрамленному живой изгородью тротуару и вверх по мраморной лестнице, мы протопали под зеленоватой совой, глазевшей с резного карниза над входом.

В рабочие дни в музее было пусто, и мы прошмыгнули по безлюдному коридору, пока не наткнулись на Кэрол, нашу любимую кассиршу. Она была старше нас, вероятно студентка колледжа, и всегда держала в руке маркер без колпачка. Она взглянула на нас поверх очков.

– Неудачный день выбрали, ребята.

– Добрый вечер, дорогуша, – сказал Таб.

– Лемпке сидит в засаде. Он просто вне себя из-за задержки с доставкой какого-то груза. Лучше бы вам вернуться.

– Нет времени, дорогая, нет времени.

– Рискуешь своей задницей, – сказала Кэрл.

Проходя мимо окошка кассирши, Таб поднял руку и, не глядя на Кэрл, помахал ей.

– Спасибо, – произнес я, последовав за ним. – Ты права, милашка.

Мы промчались через турникеты, резко свернув направо, на боковую лестницу. Миновали несколько картин в рамах, которые видели столько раз, что уже не замечали: какой-то король в голубом камзоле и шляпе с пером в окружении охотничьих собак; два ряда солдат, наступающих друг на друга со сверкающими винтовками; одна из тех вездесущих корзин с фруктами, в которые были так влюблены художники прошлого. На верхней площадке лестницы висела гигантская бизонья голова. Таб никогда не упускал случая подпрыгнуть и дотронуться до жесткой щетины на подбородке. Я даже и не попытался, настолько щетина напоминала шерсть того существа, что вылезло из канализационного люка.

Наш путь никогда не менялся. Сначала мы пересекали атриум Сола К. Сильвермана – залитый солнечным светом купол, пустой, чтобы можно было поставить стулья для сбора средств и других событий. Пол натирали, и мы воспользовались возможностью, увеличившей каждый шаг до двух метров. Мы проскользили к другой стороне атриума и поспешили миновать предмет, при первом взгляде на который когда-то застыли в ужасе: стеклянный шкаф, заполненный древними трезубцами, жуткими масками из раскопок в древней Месопотамии и реконструированным скелетом аллозавра.

Мы хихикали: это опасное путешествие всегда заставляло поволноваться. Прямо перед нами была дверь с надписью «Только для персонала», но мы знали, что она не подключена к сигнализации. Таб толкнул ее, и мы очутились на все той же старой уродливой лестнице, на тех же старых бетонных ступенях. Только в этот раз на полпролета ниже стоял профессор Лемпке с блокнотом в руках, потрясенно уставившийся на нас.

Ребята могли целый день болтать о непосильных заданиях миссис Пинкстон или власти тренера Лоуренса. Но только потому, что не знали профессора Лемпке. Наверное, самого высокомерного человека во всей Южной Калифорнии; он уверовал в то, что по праву является единственным достойным претендентом на пост секретаря Смитсоновского института¹ и просто придает лоск своему резюме перед тем, как его позовут.

Он правил историческим обществом Сан-Бернардино диктаторской рукой, и хотя, возможно, именно поэтому музей так ценили, именно по этой причине его и избегали ребята. Этот человек считал, что все обязаны стоять перед произведением искусства как перед богом – молча и с покаянием. Если маленький ребенок взвизгивал от восторга, его просили удалиться. Если старик слишком много кашлял, его просили о том же.

Лемпке был нашим проклятьем, а мы – его.

Он протер очки в роговой оправе.

– В последний раз предупреждаю, ребята, это вам не детский манеж! И не дорога к игровой площадке! – он сунул очки в карман твидового пиджака и решительно двинулся вниз по лестнице. Каждый шаг приоткрывал носки в клетку, так безупречно подобранные, что мелькание узоров на лодыжках вызывало головокружение.

Таб принял позу кающегося грешника. Я последовал примеру, понутив голову.

---

¹ Смитсоновский институт – образовательный и научно-исследовательский институт и связанный с ним музейный комплекс, самое крупное в мире хранилище экспонатов, музейных ценностей и артефактов.

– Это прославленное учреждение, – продолжил Лемпке, – полное произведений, ценность которых вы просто не в состоянии осознать. Если своей возней вы собьете какой-нибудь бюст с пьедестала или картину из рамы, ваши родители окажутся в таких долгах, что сдадут вас в колонию для малолетних и...

«Колония для малолетних» – служила сигналом. Таб мигом распрощался с извиняющейся позой и стал протискиваться вниз по лестнице. Я двигался по пятам, ударяясь о его плечи, разом ощущая и тревогу, и эйфорию. Лемпке знал, что ни за что нас не догонит в тесном пиджаке и носках в клетку, но перегнулся через перила и замахнулся блокнотом, словно копьем.

– По моим подсчетам, вы должны больше девяти сотен долларов за входные билеты! Не думайте, что я их не получу! Вот только выберу свободную минутку и позвоню вашим мамам и папам, помяните мое слово!

Он и понятия не имел, что Таб живет с бабушкой, а я только с отцом. Обычно эта мысль огорчала, но сейчас была насмешкой над Лемпке. Мы выскочили из служебного входа к подъездным воротам, хохоча как безумные, и не останавливались, пока не добежали до дороги. Мы держались рядом до ближайшего перекрестка, отрывочными фразами оживляя в памяти мгновения удачного побега.

Восстановив дыхание, мы посмотрели друг на друга с ухмылкой. Все обиды долгого дня уже не выглядели столь существенными. Они скорее походили на татуировки, что носят все воины племени. Настроение у меня было великолепное. Потом я заметил небо. Темное, почти как ночью. Наверное, мы провели на парковке гораздо больше времени, чем мне казалось.

Таб обхватил меня за шею и сочувственно вздохнул.

– Я знаю, что твой отец всегда в напряжении, – сказал он. – Но неужели он и впрямь так беспокоится?

Завыла сирена. Мы посмотрели на перпендикулярную улицу, нас накрыл водоворот красно-синих огней.

9

В городе говорили, что сержант Бен Галагер родился сразу с пышными усами, и многие готовы были поставить на то, что найдутся и фотодоказательства. Но усы были только третьей характерной чертой внешности Галагера. Его волосы тоже впечатляли – своей нелепостью: черный парик, постриженный под горшок, вечно выглядел надетым набекрень.

Но никто не смел насмеяться над сержантом Галагером. Парик скрывал самую характерную его черту: кошмарный искривленный шрам на правом виске.

Десять лет назад сержант первым прибыл на место семейной ссоры в южном квартале города, где муж с женой бросались друг в друга тарелками в саду. Но когда приехал Галагер, дело усложнилось, отец семейства схватил ружье и начал размахивать им перед спрятавшимися за диваном тройняшками. Галагер без колебаний бросился перед девочками и получил пулю в череп почти в упор.

То, что он выжил, стало для докторов тем чудом, когда они просто пожимают плечами. Хирурги сочли слишком рискованным вынимать девятимиллиметровую пулю, застрявшую на полпути между черепом и мозгом, и полгода спустя Галагер вернулся в строй, совершенно прежним, не считая сильного заикания. Волосы вокруг раны так и не выросли.

Однако подлинным его стилем были усы.

Могу сказать по опыту, что хуже того мгновения, когда коп вручает тебя отцу, может быть только то, когда тебя вручает отцу коп – местный герой, человек, который никогда,

насколько всем известно, не совершил ничего дурного и уж точно не приходил домой поздно, заставляя семью волноваться.

– Вы понимаете, мистер Ст-ст-старджес, что так больше не может п-п-продолжаться?

Выскользнув из хватки Галагера, я прокрался на кухню и прислонился к холодильнику. Через открытую входную дверь я видел, как Таб топает обратно в полицейскую машину, за ее окном он выглядел таким подавленным.

Папа окинул меня мрачным взглядом, а Галагера – самым что ни на есть смиренным.

– Сержант, даю слово. Джим – хороший мальчик, но здесь я бессилён, как и вы. Я много раз ему твердил, всячески подчеркивал, как важно приходить домой вовремя. Ночь опасна для всех, но особенно для мальчиков в возрасте Джима...

Галагер откашлялся.

– Сэр, речь не о Дж-дж-джиме.

Папа поправил очки, схватившись за пластырь, и покосился на сержанта. Галагер вытащил из заднего кармана блокнот и распахнул его.

– Двадцать шестого мая в пять минут восьмого вечера мы подобрали его в кв-кв-кв-квартале от...

– Вообще-то в двух кварталах, если считать Дубовую улицу...

– Пятого июня – в десять минут восьмого в двух кв-кв-кв-кварталах от...

– Той ночью шел дождь. Под дождем все может случиться.

– Девятого июля. Десятого августа. Т-т-т-третьего сентября.

– Сержант. Мне бы хотелось больше вас не вызывать. Правда. Но мир – это опасное место. И уж вы-то точно...

Галагер поднял бровь, и из-под косматого парика показался кусок кривого шрама. Несколько секунд папа упрямо глядел на сержанта, но потом его плечи поникли.

– Я знаю, – прошептал он. – Прошу прощения.

Пока на него не смотрели, глаза сержанта Галагера изучали комнату, останавливаясь на стальных ставнях – на три панели управления и впрямь стоило посмотреть; камера наблюдения главного входа жужжала у него над головой. Наконец его глаза остановились на мне, и я прочел в них сочувствие. Я ощущал и благодарность, и обиду одновременно. Я вздернул подбородок, и Галагер вздохнул.

– П-п-п-послушайте, мистер Старджес, – он показал пальцем на свою машину. – Мне нужно забросить домой того толстяка. Я не собираюсь з-з-з-з-заводить по этому случаю всякую официальную канитель. Но хочу кое-что объяснить, и вам п-п-п-придется меня выслушать. В мире и правда полно опасностей. И они н-н-н-ну-жадутся в нашем внимании. Поэтому больше не звоните. Только не по такому п-п-п-поводу. Мы не можем тратить время понапрасну. Я ясно в-в-в-выразился?

– Конечно, – тихо произнес папа. – Благодарю вас.

Галагер смотрел на нас чуть дольше, словно выказывая готовность выслушать, если мы захотим сказать что-то еще. Чем мы, Старджесы, могли похвастаться, так это умением держать рот на замке. Галагер резко кивнул, так что его мальчишеский парик дернулся, захлопнул блокнот и развернулся, натягивая фуражку. Камера наблюдения проводила его до машины.

Папа закрыл дверь и приступил к защитной песне десяти замков, хотя это исполнение оказалось самым слезливым из всех: Клик. Бац. Дзинь. Бамс. Тук-тук. Брямс. Вжик. Бух. Клац-клац. Я задержал дыхание перед финальной нотой, решающим бумканьем. Но рука папы остановилась. Большой палец скользнул по щеколде и замер.

Когда он обернулся ко мне, его губы дрожали.

– У меня есть причины, Джим. Знаю, это кажется несправедливым. Я лишь прошу, чтобы ты уважал мою просьбу. Возвращайся домой до темноты. Сынок? Прошу тебя. Будь дома до темноты.

Я разозлился. Ощутил жалость и раздражение. Мне не нравилось испытывать к отцу такие чувства. Но он выводил меня из себя, становился все хуже и хуже, и это слишком напомнило мне себя самого на парковке у школы сегодня днем, как я скакал от тени к тени, как мне везде мерещились монстры.

– Я не понимаю, – сказал я. – Просто не понимаю почему.

Он наклонился, так близко, что я чувствовал запах хлынувших из его глаз слез.

– Потому что это небезопасно, – его челюсть дрожала, зубы стучали. – Я слишком многое потерял и обещал себе, что больше такого не случится. Так оно и будет, я позабочусь.

Не знаю, что он увидел, поглядев на меня. Не синяк на щеке после «уплотнения мусора», не ободранные от каната в спортзале ладони и не ссадины на коленках после погони на парковке. Его, как всегда, отвлекли собственные печальные воспоминания о старшем брате, что когда-то называл его Джимбо. Папа повернулся, набрал сложный код на трех панелях управления и дождался автоматического ответа. Дом под охраной. Все замки активированы. Степень безопасности 3-А включена. Он щелкнул выключателем, и двор с палисадником ослепили ночные прожектора. Соседские собаки с обеих сторон завыли в ответ на такое вторжение в ночную темноту.

Папа беззвучно двинулся по коридору в своих тапочках. Вошел в спальню, закрыл дверь, и через тридцать секунд я услышал тихую и знакомую песню из его старого проигрывателя, сладкую мелодию, которую я слушал всю жизнь, песню старой группы под названием «Дон и Хуан».

Я стою на углу, дожидаясь тебя,
Мое сердце дово-о-о-ольно...

10

О наступлении полуночи я узнал по вибрации телефона и ноутбука. Я поставил будильники, чтобы хоть немного поспать после долгого дня, но с отвращением выключил оба. Света в комнате не было, и глаза напряженно вглядывались в экран, но спать мне, похоже, не придется, не в ближайшее время.

Предмет поисков меня не успокоил. Вместо того, чтобы учить математику, я просматривал популярные видеосайты, а также некоторые менее популярные, в поисках кого-нибудь еще, кто видел бы то же, что и я. Поначалу я ограничился запросами вроде «канализация» и «раздевалка» – безрезультатно, но через полтора часа блужданий наткнулся на следующий уровень – такие малопопулярные видеоролики, что для их обнаружения пришлось бы выучить новый язык, состоящий из многочисленных ошибок. Большая часть – размытые изображения незнамо чего под завывающие в камеру пьяные голоса: «Ты только глянь! Глянь сюда!».

И лишь когда я обратил внимание на места съемок, то начал потеть. Я обнаружил не меньше шести роликов из Сан-Бернардино, выложенных за последние шесть лет. Назвать их любительскими значило сильно им польстить, но это не означало, что на них нельзя было разглядеть нечто,двигающееся по тусклым переулкам, позади далеких мусорных баков. Видеоролики удостоились всего пары «лайков», а комментарии гласили, что это фальшивка. Но человеку, видевавшему руки, ноги и плечи невообразимого размера, эти формы казались до жути знакомыми.

Настолько, что я не мог больше выдержать. Я вытащил из ушей наушники. И тут же пожалел об этом. Тишина в доме была какой-то неестественной. Сложно объяснить понятнее. Словно в доме завелись новые глотки, высасывающие запас кислорода. Я мог слышать то, что обычно не слышал: жужжание камеры на крыльце, папино дыхание из его спальни.

Но мысль о том, что кто-то может находиться внутри, была совершенно безумной. Дом превратили в крепость. Через наши двери невозможно проникнуть без паяльной лампы и кусачек, не говоря уже о завывании многочисленных сигнализаций и прибытии фургонов нескольких охранных компаний. Через щель в двери я видел доказательство этому в дальнем углу гостиной: два красных огонька, сообщающих, что сигнализация включена. Я разглядывал эти красные огоньки с постели всю жизнь. Так почему же сейчас мне казалось, что с ними что-то не так?

Огоньки мигнули.

Да, вот что меня беспокоило.

Это вовсе не огоньки с панели. Это глаза.

Я лежал, не в состоянии вдохнуть, а красные глаза перемещались. Половицы стонали под весом громадины. Я слышал дыхание, похожее на лошадиное фырканье. А потом красные глаза сдвинулись от дальнего конца гостиной, и показались лампочки панели управления, гораздо меньшего размера. Что бы это ни было, оно направлялось к спальням. Худшего я и вообразить не мог. Пока не случилось кое-что еще.

Появились другие глаза: три, четыре, пять, шесть, семь, восемь. Каждая пара плыла в том же месте, словно принадлежала той же голове, но двигалась независимо – некоторые глядели влево, некоторые вправо, некоторые назад, а остальные прямо на меня. Кем бы ни было это существо или существа, оно занимало всю гостиную. Я осмотрел кровать в поисках какого-нибудь оружия, но видел только детскую ерунду: недостроенные модели, недоделанную домашнюю работу и прочие следы попыток найти свое место в мире. Все это и раньше было бесполезным, а теперь и подавно.

Сначала существо добралось до папиной двери. Как и я, папа неплотно прикрывал дверь, и я лишь надеялся, что он уже присел там, готовый к нападению. Несколько пар красных глаз скрылись из поля зрения, когда вошли в комнату. Я услышал звон, словно кто-то шарил по карманам в поисках мелочи, а потом неприятное хлюпанье, продолжавшееся с минуту.

Хлю-ю-юп. Хлю-ю-юп. Хлю-ю-юп.

Плечи так жутко тряслись, что я схватил ноутбук, чтобы успокоиться. Да, ноутбук! Экран погас, но мне нужно было только прикоснуться к тачпаду, и комната озарится бледным светом. Я потянулся к клавише, но заколебался. У меня возникло такое чувство, что увиденное будет преследовать меня всю жизнь. Я мог закончить как папа. Если я так этого боюсь, подумал я, наверное, с ним случилось нечто столь же ужасное?

На меня упала тень. Я знаю, это кажется странным, ведь дом был погружен в темноту, но эта темнота обладала весом: я ощущал, как она опускается на тело будто слой ила. У нее была и определенная фактура: на кожу словно легло что-то склизкое и чешуйчатое. И определенно имелся запах: омерзительная вонь дохлого животного, гниющего на дне колодца. Пока из папиной спальни доносился звон, некоторые из восьми глаз заглянули через щель в мою спальню и двинулись к ножке кровати как медлительные радиоактивные жуки.

В моих мыслях пронеслись образы: Таб, Клэр Фонтейн, папа. Думаю, я с ними простался, потому что сделал это ради них. Развернул ноутбук и ударил по тачпаду.

Свет без малейшего промедления залил всю комнату. Я автоматически закрыл испуганные и широко открытые глаза и несколько раз моргнул, пока в глазах не перестало рябить

и я смог видеть что-то дальше кровати. Я разглядел шкаф в противоположном углу комнаты, коридор снаружи и гостиную.

Там было пусто.

И вот в чем дело. Я не почувствовал облегчения. Не почувствовал радости. Я оттолкнул компьютер с коленей и обхватил голову руками, ногтями вцепившись в кожу. Так вот оно что. Мой разум сказал «прощай». Во внезапном порыве я сбросил одеяло. Нужно встать с постели, включить свет и прочесать дом. Я должен. Может, найдется что-нибудь, что избавит меня от помешательства. Я развернул ноги и уже собирался встать, когда взгляд остановился на шкафу.

Как я говорил Табу, в детстве я больше всего боялся этого шкафа. И все же он был чудовищно мал для тех существ, что я видел бродящими по дому, хотя с учетом двигающихся глаз невозможно было точно оценить их размер.

Когда я опустил одну ногу, сердце гулко застучало. Пол скрипнул. Я поморщился от этого звука, но не сводил глаз со шкафа, пытаюсь заметить, не двигается ли кто за его створками. Все детские страхи разом вернулись. У меня не осталось выбора – лишь подойти к нему, распахнуть и встретить лицом к лицу то, что меня ждет.

Я встал и вытянул шею, чтобы разглядеть получше.

Свет от ноутбука показал, что шкаф пуст. Потом из-под кровати высунулись две огромные волосатые лапы и вцепились в мои лодыжки, сильные ладони покрывал горячий пот, зазубренные желтые когти были холодны, как река. Лапы дернули, но перед тем как моя голова стукнулась о пол, в голову пришла одна-единственная и печальная мысль:

Таб был прав. Под кроватями – вот где живут монстры.

Часть 2

И пришел Киллахид

11

Вода капала мне в глаз. Едкая и жалящая. Я потер глаз и ощутил, как в тело впиваются жесткие иголки соломы. Сверху шлепнулось еще несколько капель, я сел и вытер лицо рукой. Я по-прежнему был в пижамных штанах и футболке. Однако кровать сменилась кучей грязной соломы, а комната – пещерой.

Я встал на нетвердых ногах и стряхнул солому. Помещение, похоже, было высечено в скале, хотя потолком служил нижний слой реального мира: древние водопроводные трубы, отверстия заросших мхом канализационных стоков и обугленные провода, покрытые копотью. Ржавая рыжая вода ритмично капала из десятка устаревших соединений. Единственный выход вел в коридор. Приступ клаустрофобии велел мне им воспользоваться.

По мере того как я шел, глаза привыкали к темноте, и я начал различать груды мусора вокруг. Если бы он был навален в беспорядке, я бы не так испугался. Но мусор кто-то тщательно отсортировал. Слева высился холм печатных машинок, совсем старых, с механической кареткой, а также модели 1980-х годов с миниатюрными экранами. От кучи несло чернилами. Справа высились стены микроволновок, уложенных штабелями наподобие кирпичей, – черные, белые, коричневые, красные, некоторые старые и пыльные, другие поновее и в брызгах от последней приготовленной пищи. Безо всяких сомнений, все сломанные.

Я вошел в коридор. К моему удивлению, его освещали масляные лампы, висящие выше, чем я мог дотянуться. Лампы сами по себе не загораются, и я напомнил себе, что стоит идти бесшумно, хотя особого смысла это все равно не имело. Коридор наполняло громкое шипение ламп, бульканье воды в трубах над головой и подземный гул – вероятно, вонючий воздух вырывался из щелей снизу. Это место оказалось хуже, чем любая Пещера трофеев, какую я только мог вообразить.

Коридор вел в несколько комнат, все забиты разными осколками человеческой жизни. В одной находились зыбучие пески наручных часов – электронных, механических, с калькуляторами, мужских и женских, детских, так много, что в этот сверкающий ров можно было погрузиться по пояс. Другую наполняли вентиляторы: покрытые пылью потолочные вентиляторы, пластиковые настольные вентиляторы, огромные промышленные на высоких металлических стойках. Провода от некоторых сплетались с лабиринтом труб и проводов наверху, и вентиляторы работали, лопасти хлопали, а моторы жужжали при каждом вращении. Последняя комната, в которую я осмелился заглянуть, оказалась худшей из всех: холодильники, может, штук пятьдесят в самом разном состоянии, стоящие как могильные плиты на лишенном травы кладбище.

Заканчивался коридор просторной пещерой, залитой ярким светом от очага, хотя я с трудом рассмотрел детали из-за зловонного дождя, льющегося у входа – огромной каменной арки, которую словно перенесли сюда из церкви шестнадцатого столетия. Я шагнул в арку, но изумленно замер, маслянистая вода оттягивала мои волосы.

Передо мной находился собор из мусора. Куда ни глянь, всюду у мрачных кирпичных стен громоздились груды хлама, еще более пугающие, потому что состояли из детских предметов. Горы дешевых игрушечных пистолетов. В углу свалены тысячи непарных роликовых коньков, кое-какие из них поскрипывали, словно катились по неровному полу. Там были две башни коробок для ланча, украшенных веселыми лицами из мультиков. Но самой страшной

была возвышавшаяся в комнате пирамида из сотен велосипедов, ржавеющих, спутанных друг с другом, – она поднималась вверх метров на шесть.

Гроздь связанных проволокой мерцающих люминесцентных ламп подпитывались краденым электричеством. Но их тошнотворный голубой свет бледнел вблизи жаркого огня очага, горевшего в дальней стороне комнаты, потрескивающего, словно недавно подбросили дров. Я не мог устоять и шагнул к нему, как делали все человеческие существа от начала времен.

Гора сломанных кукол мешала мне разглядеть топку очага. Я стал огибать кукол, и тут пламя высветило огромный рисунок, вырезанный в стене. Грубо исполненный, но изощренный. С правой стороны – изображение нескольких зверюг, вылезающих из-под мостов и забирающихся на борт большого парусника. Слева был нарисован тот же корабль, с еще большим числом отплывающих тварей, пригибающихся под мостами.

По другую сторону океана тоже был изображен мост, похоже, самый важный из всех. Сжимающиеся руки, лапы, щупальца и когти тянулись к центральному камню с вырезанной на нем фигурой шестирукого повелителя. Он обладал разными глазами: один – сияющий рубин, вставленный в камень, вместо другого зияла дыра.

Жуткие подробности, но изображения внизу оказались еще ужаснее. Там шла такая бурная битва между тварями и людьми, что трудно было различить, где занесенная дубинка сливалась со стреляющим ружьем, а зубастая пасть вцеплялась в занесенный топор. Я отвел взгляд к краю стены, состоящей из портретов, как я предположил, важных персонажей. И все омерзительные. У одного – собачья морда и клыки. Другой – почти без головы, глазбусинки глядят с гладкой груди. У третьего – восемь алых глаз на длинных ножках.

Глаза переместились.

Они не были частью изображения на стене.

Существо, что побывало у меня дома, скользнуло ко мне с удивительным изяществом, учитывая бесчисленные ноги, скрытые под лоскутной юбкой, увешанной целым слоем медалей, значков и наградных ленточек. Клубок многочисленных щупалец извивался, словно пытался что-то задушить до смерти. Когда существо подобралось к очагу, огонь высветил его змеиную кожу оливкового цвета и блестящую слизь на волнистых присосках. Рот – горизонтальная щель – открылся и издал приглушенное бульканье:

– Гр-р-ру-у-у-углмур-р-р-рф.

Я зацепился ногами за клубок спутанных кукольных волос и упал.

Тварь стала двигаться быстрее, издавая бессмысленное бормотание. Я лежал на спине, заваленный ухмыляющейся и застывшей в разных позах пластмассой. Ощущал жар от очага и гадал, нет ли поблизости от него топора или еще чего-то, что послужит оружием. Но на это не было времени. Тварь расплющила кукол и склонилась прямо надо мной. Щупальца пронзали воздух. Восемь глаз заслонили мне поле зрения. Я приготовился к худшему.

Но некоторые глаза вели себя так, будто не подозревали о моем присутствии. Я как дурак стал водить перед ними рукой туда-сюда. Никакой реакции. Я подумывал броситься наутек. Успею ли я вскочить, прежде чем одно из щупалец сомкнется на моей шее?

– Он тебя не видит, – произнес чей-то голос. – Он почти слеп.

Чудовищное существо выпрямилось и развернулось к очагу. Пробормотало еще несколько бессмысленных слов. Я посмотрел в том же направлении и увидел, как у печки приподнимается сидящий на корточках человек, человек из металла. Вместе с ним поднимались и два длинных сверкающих меча. Оба клинка в крови. Человек стряхнул лишнюю кровь и одним натренированным движением засунул оружие в парные ножны на спине.

– Его зовут Моргунчик, – сказал он. – Когда дело касается имен, у троллей обнаруживается чувство юмора. – Он помолчал. – В отличие от всего остального.

Его голос скрипел, словно прорывался через ветхие стереодинамики. Вообще-то, в этом и было дело: рот закрывала решетка из древнего стереомагнитофона. Но я видел, что это не робот, а скорее человеческое существо в особом костюме. Как и всё вокруг, его одеяние состояло из мусора. В маске доминировали слишком большие очки авиатора и футбольный шлем, уши защищали большие наушники, а деталь подбородка была сделана из детской рогатки.

Весь хлам когда-то принадлежал детям. Пропавшим детям.

Эпидемия молочных пакетов. Я понял, что не могу пошевелиться.

Его доспехи, если можно так это назвать, были просто невероятными. Пальцы согнуты в непарных зимних перчатках с торчащими из них шляпками гвоздей. Предплечья усеяны погнутыми открывалкой крышками от газировки. Бицепсы покрывали проволочные спирали от сотен школьных тетрадей. Грудь защищали останки формочек для куличиков, миниатюрные кастрюльки в виде сердец, звезд и лошадок. Под животом громоздились литые машинки и грузовики, чьи хромированные детали сияли в пламени. Обе ноги обмотаны велосипедными цепями. Некоторые уже заржавели, а некоторые еще блестели от масла.

Когда человек двинулся, раздался такой звук, будто потрясли коробку с гвоздями.

Я откатился в сторону – подальше от него и от тролля Моргунчика, если в такое вообще можно поверить, и вскочил на ноги. Человек остановился. Рукоятки мечей торчали за его спиной как рога. Меня не пугало, что с них капала кровь.

Металлический человек протянул руку. Шляпки гвоздей сверкнули в пламени очага.

– Ты должен меня выслушать.

– Зачем? – спросил я. – Кто ты? Где я?

– У нас мало времени.

– Почему? Что вы собираетесь со мной сделать?

– Ты слишком долго спал. Уже почти рассвело.

– А что случится на рассвете?

– Отправишься домой.

– Я тебе не верю.

– Нет времени объяснять.

– Тогда говори побыстрее.

Он взмахнул рукой, рассекая воздух. Металл звякнул по металлу.

– У нас нет времени!

Из дальней комнаты донесся рык, будто проснулось какое-то огромное существо.

– Ну вот, – сказал он. – Ты разбудил АРРРХ!!!.

По пещере пронесся боевой клич. Когда он стих, тишину нарушало только быстрое дыхание металлического человека и вращение колес прикрепленных к его груди машинок.

Потом даже эти звуки стихли. Из тоннеля раздалась грузные шаги гиганта, они направлялись к каменной стене. Все предметы в пещере задрожали: падали роликовые ботинки, пластиковые пистолеты опрокидывались и стреляли электронными очередями, сдутые колеса велосипедов начали вращаться.

Я попятился.

– Арррх?

– Ты не слушаешь. Я велел тебе слушать, – металлический человек сделал глубокий вдох: – АРРРХ!!!.

Я снова попятился.

– Три Р, три восклицательных знака. Послушай моего совета, никогда не произноси неправильно.

– Клянусь – никогда.

Из тоннеля появился гигант – с той же легкостью, как собака из конуры, грубая черная шерсть заполнила комнату, прежде чем я разглядел руки и ноги. Пройдя под аркой, существо поднялось в полный рост и потянулось, будто пробуждаясь от дремоты. Под шерстью перекачивались бугры гигантских мышц. Я узнал когтистые лапы из канализационного люка, те же, что были у меня под кроватью, сжатые в кулаки.

АППРХ!!! обладал сложением гориллы, только в три раза крупнее: две руки, две ноги и, к счастью, всего два глаза. Закрученные как у барана рога прорезали низко нависающие трубы. Одна труба дала течь, и на сальную шерсть хлынула серая вода. Оранжевые глаза твари шныряли вокруг с пронизательностью животного, существо задрало морду и чихнуло. Рот приоткрылся, обнажив алую пасть со смертоносными зубами-кинжалами.

Оно почуяло меня.

Я попятился, пока не наткнулся спиной на грудь диванных пружин. АППРХ!!! пересек комнату в четыре огромных прыжка, так что с труб над головой словно снег посыпалась ржавчина. Чудовище надвинулось на меня и согнулось пополам, влажный нос оказался в нескольких сантиметрах от моего лица. Оно понюхало и выдохнуло. Порыв ветра сдул с моего лица волосы. Вязкая и теплая слюна капнула со сломанного зуба и приземлилась мне на живот. Жадные глаза размером с футбольный мяч тщательно меня изучали.

Существо зарычало, и диванные пружины запели.

Металлический человек запустил руку между двумя формочками для куличиков на груди, пошарил там и вытащил бронзовый медальон на грязной цепочке. Рисунок можно было разглядеть даже с расстояния: меч, надпись на неизвестном языке и морда завывающего тролля.

– Надень это, – сказал человек.

АППРХ!!! бросил взгляд на медальон и повернул кошмарную морду к потолку, издав рык, достойный тиранозавра. Рога стукнулись о связку люминесцентных ламп, и на металлического человека хлынул расплавленный ливень искр. Я не мог точно сказать, кричал ли АППРХ!!! от злобы или от радости. Что я точно понял, так это что оба персонажа отвлеклись.

Я рванул к ближайшему коридору, так близко проشمыгнув мимо металлического человека, что мог бы выхватить медальон, если бы хотел, но я не хотел. Они это заметили: я услышал лязг велосипедных цепей и рычание гориллы, влажные лапы захлопали по пещере.

– Пр-р-ру-у-у-ум-мф-ф-фл-л-л-лар-р-рг-г-г!

Вопль Моргунчика проник до самых костей, я нырнул в проход и налетел на холодную стену. Там не было ламп. Я прижал руку к стене и продолжал идти вперед. Тоннель свернул влево, мне удалось не грохнуться лицом вниз. Тоннель свернул вправо, я оторвал руку от стены и потратил несколько секунд, ходя кругами. Сзади доносились зловещие звуки погони.

И тут я совершенно заблудился.

– Стой! Ни шагу дальше!

Металлический человек приближался. Я со всей скорости припустил в темноту. А потом заметил свет. Тусклый, но я направился к нему, пока не очутился в таком узком коридоре, что чувствовал, как стены сжимают плечи. Свечение стало достаточно ярким, и я не врезался в тупик, которым заканчивался тоннель. В каком печальном и мрачном месте мне предстоит умереть.

Вниз по щеке скатилась влага, я поднял голову и увидел, что свет проникает через канализационную трубу, достаточно широкую, чтобы я мог пролезть. Невозможно придумать ничего хуже, чем втискиваться туда, но, по крайней мере, АППРХ!!! и Моргунчик, находящиеся уже очень близко, слишком велики, чтобы последовать за мной. Я схватился за край трубы и подтянулся.

Несколько сантиметров внизу наполняли нечистоты, и стекающие фекалии воняли так, что я закашлялся. Металлический человек наверняка услышал, так что не осталось другого выхода, кроме как ползти дальше. Отталкиваясь локтями и коленками, я продвигался по трясине. Я стучался головой о края трубы, нечистоты пропитали одежду, но я двигался вперед, и свет становился ярче.

Труба заканчивалась резким спуском. Я взгляделся в выходное отверстие и не разглядел ничего, кроме грязи. Но там, внизу, были и источники света, возможно сотни, мерцающие бесконечными узорами. Оттуда также слышался шум: не канализационных насосов, а голоса, крики, смех, скрип дерева и лязг металла и что-то вроде звона монет.

Другого выхода нет. Я пополз вперед. Целую жуткую секунду мне казалось, что я застрял, и я наслаждался фантазией о том, как неделю буду тонуть в нечистотах, но потом оттолкнулся ногами и выскользнул из трубы.

Пару секунд я летел по воздуху. Потом приземлился на что-то мягкое, и, учитывая, что эта кучка размещалась под канализационной трубой, меня не удивило, что она оказалась не просто грязью. Я сидел и горстями стирал с лица вязкое дерьмо. Но в конце концов сдался и просто сел, тяжело дыша и источая зловоние. Понадобилась минута, чтобы понять – я прекрасно вижу все вокруг в освещении фонаря. И еще чуть-чуть времени, чтобы различить звуки оживленной торговли. До сих пор я еще не оторвал взгляда от коленей. И раздумывал, стоит ли. Свет и звуки казались такими знакомыми, такими будничными, пока я не вспомнил, что нахожусь где-то глубоко под землей и что здесь не может быть ничего будничного.

И я взглянул.

12

Передо мной лежал целый город троллей. Пейзаж из узких проходов и кривоватых строений простирался на добрый километр и исчезал в темноте. Повсюду стояли неряшливые, забрызганные грязью жилища, но в основном пустые, обитающие в них тролли посещали шумный базар. От лотков с едой поднимался дымок, там на вертелах поджаривались тощие тельца кроликов и белок (по крайней мере, я на это надеялся).

На других лотках предлагались странные произведения искусства: отпечатанные на сыромятной коже мрачные геральдические гербы, камни, отполированные настолько, что словно светились изнутри, причудливые перископы, диковинные метрономы и все такое прочее. Пар валил из дверей магазинов, где придавали форму сверкающим металлическим стержням. В котлах булькала таинственная слизь, ее помешивали и выливали в грубые деревянные чаши. И повсюду шел обмен: деформированные монеты переходили от щупальца в лапу, котомки с квакающими лягушками менялись на банки со светлячками, а камни из казалось бы неразличимых пород тщательно изучали через лупу и клали на весы перед тем как обменять.

И весь этот безумный центр торговли представлял собой парад ползающих, топающих и извивающихся тварей неопишемого вида. Первым меня заметило трио трехметровых бегемотов, они тащили за собой останки автомобильной рамы, каждый сантиметр которой был обернут в рождественские гирлянды. Выглядели три тролля ужасающе: седые бороды до колен, а отличал их друг от друга только узор из шрамов. Вообще-то имелось еще одно различие: только у одного был глаз – выпуклая сфера, изучающая все вокруг с зоркостью птицы. Циклоп заметил меня и протянул руку, чтобы остановить своих спутников, у которых вместо глаз были лишь пустые глазницы. Когда безглазые недовольно заныли, он вытащил глаз, сморщенный и сухой, и протянул левому троллю, тот тут же вставил его в собственную глазницу. Таким небыстрым способом все по очереди поглядели на меня.

Я встал, с меня капали нечистоты. Я мог бы проشمыгнуть мимо, но разве в другом месте я оказался бы в большей безопасности?

Откуда-то поблизости донесся разрывающий барабанные перепонки ответ. АРРРХ!!!.

Я метнулся к левому троллю, в эту секунду безглазому, и хотя он взмахнул рукой в моем направлении, я пригнулся под ней и помчался по главной улице. Внезапно тролли оказались со всех сторон, их причудливые тела прикоснулись к коже. Некоторые были гигантского размера, я нырнул у них между ног. Другие – не больше полуметра и сновали повсюду как паразиты, карабкаясь друг на друга и гремя крохотными щитами и саблями. Некоторые носили потрепанные накидки и изодранные платья с потертыми медалями. Другие – самодельные туники из чертополоха и колючего боярышника. Но большинство были нагими, хотя мне они казались размытыми пятнами: угольно-черными, сияюще-медными, розовыми, как язык, и кроваво-красными.

Вырвавшись из толпы, я очутился вплотную к прилавку мясника и влетел в него. Туши качнулись. Безносый косоглазый тролль в грязном фартуке и со ржавым ножом в руке яростно зарычал. Я дал задний ход в толпу голодных покупателей, которые наконец-то смогли рассмотреть, что среди них затесался непрошенный гость – человек. За оглушительными завываниями последовал громкий рык и глухое ворчание. На этот призыв из соседнего прохода отозвался АРРРХ!!!.

Покрытые грубой шкурой руки, громадные ладони и холодные щупальца попытались меня задержать, но я выскользнул, перекатился под прилавком мясника и метнулся в боковой переулок, прорезав путь сквозь семейку пухлых синих троллей, возбужденно машущих крыльями, состоящими из одних костей. В переулок шагнула трехметровая масса желтой шерсти, которая, что удивительно, заканчивалась парой зажженных свечей, в руках существо держало насаженную на палку свиную голову, я принял ее за своего рода скипетр, пока не заметил, что тролль жует. Это была еда.

Я свернул и наткнулся на ряд тачек с товарами. Обогнул их и налетел на тролля, такого тощего, что торчали ребра, каждое украшено кольцами с драгоценностями, что звенели как тамбурин, пока тролль изливал свое недовольство на другого, напоминающего гигантского червя. В животе червя зияла дыра, и я принял ее за ножевую рану, пока из кармана не высунули головы четыре червяка поменьше.

Оба тролля перестали препираться и посмотрели на меня.

– Простите, что помешал, – сказал я. – Выглядит привлекательно. Честное слово. Жаль, что забыл дома кошелек.

Выглядело вовсе не привлекательно. Тачку наполняли банки с чем-то похожим на мясли для завтрака, только вместо овса, орехов и изюма там были тараканы, волосы и зубы. Я развернулся в обратном направлении и тут увидел, что в переулке показалась морда знакомого гиганта с черной шерстью. Оранжевые глаза пронзали меня взглядом.

АРРРХ!!! чихнул с такой силой, что брызгами соплей двух мелких троллей отбросило на землю.

Я перепрыгнул через тачку. Нога задела банку, она свалилась и разбилась, белые зубы запрыгали по кирпичам, а тараканы бросились врассыпную, забившись в щели. За спиной раздавался топот преследователя. Впереди тролль с детским кожистым лицом игриво связывал хвосты двух пятнистых троллей, поглощенных спором. Я поднырнул под этой троицей, прыгнул через груды тлеющих головешек и перемахнул через низкую проволочную изгородь, окружающую двух дерущихся зеленых тварей с длинными покрытыми мехом хвостами. Я обогнул их и оказался в окружении делающих ставки троллей, они зарычали, когда кто-то вмешался в состязание. Я выкрикнул извинения и перелез через изгородь с другой стороны, пушистые зеленые гремлины огрызнулись мне вдогонку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.